94 8/216

Дч 8/216

А. САКСЪ

КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА

Штабсъ-Ротмистръ

Александръ Андреевичъ Александровъ

(Надежда Андреевна Дурова)

Съ приложеніемъ 17 рисунковъ и документовъ

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ КОННИЦЫ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Звенигородская, 11

1912

94 8/216

А. САКСЪ

КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА

Штабсъ-Ротмистръ

Александръ Андреевичъ Александровъ

(Надежда Андреевна Дурова)

Съ приложеніемъ 17 рисунковъ и документовъ

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ КОННИЦЫ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Звенигородская, 11
1912.

Гос. Хо[illegible]
НКП РСФСР
Инвент. № 468449
„ — " — 196 г.
М

Уголокъ памяти Н. А. Дуровой—шт.-ротм. А. А. Александрова
въ музеѣ уланскаго Литовскаго полка.

Кавалеристъ-дѣвица шт.-ротмистръ Александръ Андреевичъ Александровъ 1807—1816 гг. (Надежда Андреевна Дурова 1783—1866 гг.).

Біографическій очеркъ.

Еще немного времени и наступитъ столѣтняя годовщина Отечественной войны, столѣтняя годовщина нашей геройской борьбы съ величайшимъ военнымъ геніемъ новѣйшихъ временъ—Наполеономъ.

Много было написано (въ теченіе истекшаго столѣтія) по поводу событій этой интересной эпохи; всевозможные документы, записки, историческіе и біографическіе матеріалы, относящіеся какъ къ цѣлымъ эпизодамъ, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ этой грандіозной борьбы, стали доступны каждому, интересующемуся славнымъ прошлымъ нашего отечества.

Отечественная война, по справедливости, можетъ быть названа національной; она соединила и сплотила всѣ слои общества, всѣ разнородные его элементы въ одно цѣлое, одушевленное одною мыслью, одной идеей—побѣдить дерзкаго врага, посягнувшаго на славу и цѣлость Россіи.

Какъ это всегда бываетъ въ моменты особеннаго подъема національнаго духа, такъ и въ Отечественную войну, появляется цѣлый рядъ личностей, болѣе или менѣе рельефно выдѣляющихся на той яркой захватывающей картинѣ, какою рисуется намъ, на разстояніи столѣтія, достопамятная кампанія 1812 г.

Войны, предшествовавшія 12-му году, служили серьезной школой для участниковъ Отечественной войны и, конечно, имена многихъ изъ нихъ уже были извѣстны, какъ имена народныхъ героевъ; достаточно назвать Кутузова, кн. Багратіона, Милорадовича; но 12-й годъ окружаетъ ихъ особенно яркимъ ореоломъ, передъ которымъ меркнетъ все предыдущее.

«Герои 12-го года!» эти слова не вызываютъ ли въ насъ великіе и въ то же время родные, близкіе сердца, образы, хорошо уже намъ знакомые, интересъ къ которымъ живъ и понынѣ! Съ приближеніемъ столѣтней годовщины ихъ дѣятельности, этотъ интересъ не можетъ не пробудиться въ обществѣ съ новой силой, а разъ это такъ, то и всякія новыя данныя, относящіяся къ ихъ жизни и дѣятельности, не могутъ не встрѣтить сочувственнаго къ себѣ отношенія.

Вотъ это обстоятельство, это вниманіе ко всему, относящемуся къ достопамятной эпохѣ, и побуждаетъ насъ напомнить объ одномъ скромномъ, но крайне оригинальномъ участникѣ Отечественной войны. Мы подразумѣваемъ штабсъ-ротмистра уланскаго Литовскаго полка, Александра Андреевича Александрова (Надежда Дурова), извѣстнаго подъ названіемъ «кавалеристъ-дѣвица» и заставившаго въ свое время не мало говорить о себѣ, интересовавшаго многихъ, но затѣмъ забытаго.

Участникъ войнъ противъ Наполеона, начиная съ 1807 года, контуженный подъ Бородинымъ, ординарецъ Кутузова, Милорадовича, Коновницына, Георгіевскій кавалеръ Александровъ или, вѣрнѣе, Надежда Дурова, оставляетъ военную службу лишь въ 1816 г. За этотъ десятилѣтній періодъ ея службы сложилось не мало легендарныхъ разсказовъ, ходило не мало слуховъ о лихой амазонкѣ, но мало кто могъ сказать утвердительно, гдѣ въ этихъ разсказахъ кончается истина, и гдѣ начинается вымыселъ. Да и позднѣе, когда въ 1836 году Пушкинъ печатаетъ въ «Современникѣ» «Записки Н. А. Дуровой», а затѣмъ и сама Н. Дурова издаетъ эти же записки полностью, легендарный покровъ, облекавшій служебный періодъ ея жизни, не разсѣивается вполнѣ. Какъ это ни странно, но и сама Дурова не въ малой степени способствовала этому; въ своихъ запискахъ она нерѣдко пускается въ область фантазіи, предпочитая вымыселъ правдивому изложенію событій. Трудно съ достовѣрностью сказать, что было этому причиной; возможно, что Дурова поддалась царившему тогда въ литературѣ романтизму, что и повліяло на характеръ ея «Записокъ».

Все-же, благодаря этимъ «Запискамъ», она вновь привлекаетъ на себя вниманіе современниковъ, привыкшихъ считать разсказы объ амазонкѣ Наполеоновскихъ временъ сказкой, и этимъ не мало способствуетъ своему дальнѣйшему успѣху. Ея пріѣзды въ Петербургъ по дѣламъ уже вызываютъ неподдѣльный интересъ общества, какъ результатъ именно той популярности, которую ей создали ея «Записки». Двери многихъ домовъ высшаго свѣта столицы стали для нея открыты, и общество самымъ дѣйствительнымъ образомъ имѣло возможность убѣдиться въ существованіи «кавалеристъ-дѣвицы».

Намъ самимъ еще удалось слышать отъ двухъ очевидцевъ о пребываніи Дуровой въ Петербургѣ. Эти свѣдѣнія особой цѣны не имѣютъ, такъ какъ разсказчики,

въ то время еще дѣти, къ сожалѣнію, помнятъ только то, что въ ихъ домѣ, на Пескахъ, сообщали сенсаціонную новость: у насъ въ гостяхъ «кавалеристъ-дѣвица», а затѣмъ всѣ шли потихоньку къ двери и въ дверную щелочку смотрѣли на немолодую, некрасивую, довольно полную женщину въ мужскомъ костюмѣ, игравшую въ карты и курившую. Какъ бы то ни было, но въ тридцатыхъ годахъ имя Надежды Дуровой было извѣстно въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ. Но затѣмъ, послѣ того, какъ она окончательно возвратилась въ провинцію и прекратила свою литературную дѣятельность (въ сороковыхъ годахъ), ея имя и участіе въ Наполеоновскихъ войнахъ постепенно забываются; только смерть ея въ Елабугѣ въ 1866 г. на короткое время опять привлекаетъ всеобщее вниманіе на эту, во всякомъ случаѣ, оригинальную личность.

Желая дать, по возможности, полную и въ то же время достовѣрную біографію Надежды Андреевны Дуровой, мы тщательно изучили всѣ доступные намъ источники въ архивахъ, библіотекахъ, но, конечно, не можемъ утверждать, что намъ удалось исчерпать до конца весь имѣющійся матеріалъ и что въ нашемъ очеркѣ не вкрадется ни единая неточность.

Если этотъ очеркъ вызоветъ какія-либо возраженія, то мы будемъ искренно признательны всѣмъ, могущимъ исправить невольные недочеты или внести что-либо новое въ нашъ скромный трудъ. А пока приступаемъ къ изложенію біографіи Дуровой, пользуясь тѣми данными, которыя мы считаемъ наиболѣе заслуживающими вниманія и довѣрія.

Надежда Андреевна Дурова, будущій «кавалеристъ-дѣвица», родилась въ 1783 г. въ Малороссіи. Сама она въ своихъ запискахъ пишетъ, что родилась въ Кіевѣ, гдѣ въ то время квартировалъ гусарскій полкъ, въ которомъ ея отецъ въ чинѣ ротмистра командовалъ эскадрономъ.

Приводимъ здѣсь не лишенный интереса документъ, устанавливающій и годъ рожденія Дуровой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ опредѣленно фактъ ея замужества, что, между прочимъ, тщательно ею скрывалось.

Этотъ документъ—метрическая запись о бракосочетавшихся Сарапульскаго Вознесенскаго собора (Вятской губ.) отъ 25-го октября 1801 года за № 44.

«Сарапульскаго нижняго земскаго суда дворянскій засѣдатель 14-го класса Василій Стефановъ Черновъ 25 лѣтъ понялъ господина Сарапульскаго городничаго Андрея Дурова дочь дѣвицу Надежду 18 лѣтъ».

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о замужествѣ Дуровой не можетъ быть сомнѣній, и прозвище «кавалеристъ-дѣвица» является не болѣе не менѣе, какъ фантастическимъ.

Отецъ Надежды Андреевны, Андрей Васильевичъ Дуровъ, родился въ Уфимской губ. Его предки были родомъ изъ Польши и носили фамилію «Туровскихъ».

При Алексѣѣ Михайловичѣ Смоленско-Полоцкіе шляхтичи Туровскіе, послѣ взятія Смоленска, были переселены въ устраиваемую тогда Уфимскую область.

Не желая казаться чужими среди боярскихъ служилыхъ людей, оказавшихся ихъ сосѣдями, они перемѣнили свою фамилію Туровскихъ на Туровыхъ, а Туровы съ теченіемъ времени стали Дуровыми.

По актамъ XVIII столѣтія, Дуровы уже числятся въ спискахъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ. Предки Андрея Васильевича Дурова пользовались извѣстностью среди уфимцевъ и имена ихъ не разъ встрѣчаются въ архивныхъ документахъ. Относительно самого Андрея Васильевича съ достовѣрностью извѣстно только, что онъ служилъ въ гусарскомъ полку, квартировавшемъ въ Малороссіи, гдѣ онъ и женился. Затѣмъ, выйдя въ отставку, нѣкоторое время проживалъ въ своей небольшой деревнѣ Вербовкѣ, Вятской губ., Сарапульскаго уѣзда, а въ 1789 г. былъ назначенъ городничимъ въ гор. Сарапуль.

Мать Надежды Андреевны, Надежда Ивановна Александровичъ, дочь Ивана Ильича Александровичъ (сначала бунчуковскаго товарища, а позднѣе подкоморія, казначея Лубенскаго повѣта) и жены его Евфросиніи Григорьевны, рожденной Огреновичъ [1]).

Александровичи владѣли имѣніемъ въ Полтавской губерніи, Великой Кручею, расположеннымъ на живописномъ правомъ берегу рѣки Удая, въ 7 верстахъ отъ г. Пирятина, по большой дорогѣ въ г. Лубны.

Какъ говорятъ, и до сихъ поръ въ с. Великой Кручѣ можно видѣть часть каменнаго домика (камьяницы), въ которой, какъ будетъ сказано дальше, провела нѣсколько лѣтъ Надежда Андреевна.

Обстоятельства, при которыхъ женился Андрей Васильевичъ, носили нѣсколько романическій характеръ.

Въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія въ г. Пирятинѣ квартировалъ одинъ изъ гусарскихъ полковъ, въ которомъ служилъ отецъ Надежды Андреевны. Онъ познакомился съ семьей Александровичей, бывалъ у нихъ, влюбился въ красивую младшую дочь Надежду Ивановну и вскорѣ сталъ пользоваться взаимностью. Родители, люди состоятельные и гордившіеся своею родовитостью и положеніемъ, не хотѣли и слышать о бракѣ дочери съ гусарскимъ ротмистромъ, владѣвшимъ лишь крохотной деревушкой гдѣ-то въ Вятской губ. Молодые люди, убѣдившись, что никогда не получатъ согласія родныхъ, рѣшились бѣжать. Обвѣнчавшись въ ближайшемъ селѣ, они ѣдутъ въ Кіевъ, куда въ это время перевели полкъ. Просьбы Надежды Ивановны простить ее долго не могли смягчить суроваго Александровича, и только послѣ появленія на свѣтъ въ 1783 г. перваго ребенка Надежды старикъ простилъ свою дочь. Въ своихъ запискахъ Надежда Андреевна пишетъ, что къ этому времени полкъ уже находился въ Херсонѣ. Молодые люди изъ Херсона пріѣхали въ Великую Кручь, а затѣмъ, оставивъ свою маленькую дочь у бабушки Александровичъ, поѣхали въ Москву хлопотать о мѣстѣ, такъ какъ на военной службѣ, за недостаткомъ средствъ, Андрей Васильевичъ оставаться не могъ. Въ 1789 г. Дуровъ получаетъ мѣсто городничаго въ г. Сарапулѣ, куда привозятъ и дочь Надежду изъ Великой Кручи. По поводу продолжительности пребыванія Надежды Андреевны у бабушки существуютъ двѣ версіи: согласно «Запискамъ» самой Надежды Андреевны и по статьѣ «Историческаго Вѣстника 1890 г.», она прожила у бабушки до 7 лѣтъ, то есть до назначенія отца городничимъ, а затѣмъ вторично жила у бабушки съ тринадцати до семнадцати лѣтъ; по другой же версіи, она прожила у бабушки безпрерывно до 17 лѣтъ.

[1]) Александровичи имѣли двухъ сыновей: Варфоломея и Порфирія, и четырехъ дочерей: Ульяну, умерла дѣвушкой; Прасковью Остроградскую; Александру Значко-Яворскую; Евфросинію (по нѣкоторымъ источникамъ, Феодосію) Бутовскую и Надежду Дурову.

По имѣющемуся документу, вторая версія опровергается и устанавливается фактъ ея пріѣзда къ отцу и матери въ 1790 г., т. е., когда ей было 7 лѣтъ.

Изъ той же метрической книги Вознесенскаго собора отъ 3-го августа 1790 г. заимствуемъ слѣдующее:

«Сарапульскаго городничаго секундъ-маіора Андрея Дурова родилась дочь Евгенія, воспріемница дочь его Андреева отроковица Надежда».

Такимъ образомъ ясно, что съ 1790 года, т. е. по достиженіи 7 лѣтъ, Надежда Дурова жила у родителей.

Въ своихъ запискахъ Дурова, касаясь періода дѣтства и времени, предшествующему ея поступленію на военную службу, часто, какъ мы уже раньше говорили, мѣшаетъ истину съ вымысломъ; это отчасти объясняется или намѣреніемъ скрыть то, что она не желаетъ сдѣлать общимъ достояніемъ, или желаніемъ скрасить, опоэтизировать то или другое событіе изъ ея жизни. Свѣдѣнія о ея дѣтскихъ годахъ мы почти исключительно находимъ въ ея запискахъ, но относиться къ этимъ свѣдѣніямъ приходится очень осторожно. Такъ, напримѣръ, къ разсказу о томъ, какъ мать ее возненавидѣла съ перваго же ея дня появленія на свѣтъ. По словамъ Надежды Андреевны, мать выбросила ее изъ окна кареты; ребенка поднялъ отецъ и сдалъ на руки фланговому гусару татарину Ахматову. На попеченіи послѣдняго она и оставалась до переѣзда въ деревню къ бабушкѣ. Вѣрнѣе всего, что мать ея Надежда Ивановна, молодая, красивая, выросшая въ богатомъ домѣ, попавъ въ совершенно иную, почти бѣдную, обстановку, принужденная съ грудным ребенкомъ дѣлать тяжелые походы, капризничала и нервничала; возможно, что она и въ самомъ дѣлѣ поручила солдату Ахматову раздражавшаго ее ребенка, и что Ахматовъ и нянчился съ ней, какъ въ наши дни часто денщики нянчатся съ дѣтьми офицеровъ.

Маленькая Дурова всѣмъ сердцемъ привязывается къ Ахматову; еще плохо умѣющая ходить, она уже привыкаетъ къ военной обстановкѣ. Ахматовъ носитъ ее въ конюшни, сажаетъ на лошадей, игрушками ей служатъ сабли, пистолетъ, любимой музыкой—сигналы, зори, зрѣлищемъ—смотры, ученія. Эти первыя впечатлѣнія глубоко западаютъ въ память ребенка и обыкновенныя игры и занятія, свойственныя дѣвочкамъ, не могутъ заинтересовать бойкую, шаловливую Надежду. Всѣ старанія матери исправить сорванца-дочь, мальчишескіе замашки которой раздражаютъ ее и приводятъ въ отчаяніе, остаются безуспѣшны. Затруднительное матеріальное положеніе тоже угнетающе дѣйствуетъ на Надежду Ивановну, и между матерью и дочерью съ раннихъ лѣтъ устанавливаются довольно тяжелыя отношенія. Вполнѣ понятно, что предложеніе бабушки взять дѣвочку къ себѣ въ Великую Кручь, до полученія отцомъ мѣста, охотно принимается родными. И вотъ, для Надежды наступаетъ новая жизнь. Нѣтъ Ахматова, нѣтъ походовъ съ полкомъ, ученій, смотровъ, однимъ словомъ, всего того, что составляетъ особенности военной жизни и къ чему ее пріучили съ перваго дня появленія на свѣтъ, но зато нѣтъ и постоянныхъ выговоровъ, замѣчаній со стороны матери, нѣтъ попытокъ учить ее всему тому, что должно было сдѣлать изъ нея благовоспитанную дѣвочку. Бабушка полюбила некрасивую, но живую, ласковую внучку, баловала ее и не особенно стѣсняла, предоставляя ей бѣгать, рѣзвиться и играть «въ гусаръ» въ обширномъ саду усадьбы. Это были счастливые годы для маленькой Надежды. Въ 1790 г. мы встрѣчаемъ Дурову въ Сарапулѣ, въ домѣ отца, гдѣ ее вновь

ждетъ тяжелая обстановка. Ее по прежнему не интересуетъ все то, что, по тогдашнимъ понятіямъ, являлось необходимымъ знать всякой дѣвушкѣ, какъ хозяйкѣ и будущей матери семейства. Она пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ убѣжать въ садъ, въ поле, а, если подвернется подходящая лошадь, вскарабкаться на нее и скакать, куда глаза глядятъ. Дома, конечно, ее ожидаютъ упреки, наказанія, но она неисправима.

Въ своихъ запискахъ Дурова часто подчеркиваетъ несправедливое отношеніе къ ней матери, но едва ли она была права. Жизнь ея матери съ годами складывалась все тяжелѣе. Матеріальное положеніе было попрежнему болѣе, чѣмъ не блестящее; семья все увеличивалась, а тутъ еще начались и несогласія съ мужемъ, домашніе раздоры. Прежняя цвѣтущая красавица, Надежда Александровичъ стала неузнаваема: все ее раздражало, она хворала, старѣла и часто жаловалась на горькую долю женщины. Маленькая Надежда слушала эти жалобы и, по ея словамъ, онѣ вселяли въ нее еще больше отвращенія ко всему тому, что отъ нея требовали и что, по ея мнѣнію, должно было выработать изъ нея еще одну лишнюю представительницу угнетеннаго подначальнаго элемента, какимъ рисовалась въ ея воображеніи женщина. Отсюда и ея отвращеніе ко всему, что составляетъ удѣлъ женщины, и нежеланіе подчиниться матери и ея требованіямъ.

Непокорность Надежды все болѣе и болѣе раздражала мать и, въ концѣ концовъ, когда ей минуло 13 лѣтъ, ее вновь отвозятъ къ бабушкѣ въ Великую Кручь. Снова она попадаетъ въ привольную обстановку, гдѣ ее ласкаютъ, балуютъ, и гдѣ, самое главное, она почти предоставлена самой себѣ. Здѣсь мало-помалу, подъ вліяніемъ окружающаго ее общества—бабушки, тетокъ, Надежда Андреевна начинаетъ забывать свои первыя впечатлѣнія дѣтства. Мальчишескія наклонности, остатки ранняго военнаго воспитанія постепенно исчезаютъ и въ ней пробуждаются черты, болѣе свойственныя ея женской природѣ. Результатомъ этого было то, что даже затѣвается нѣчто похожее на романъ съ сосѣдомъ помѣщикомъ, но дѣло разстраивается, такъ какъ Дурова безприданница и къ тому же ее увозятъ опять къ родителямъ въ Сарапуль, по настойчивымъ просьбамъ матери.

Въ 1801 году Дуровой минуло 18 лѣтъ, и вполнѣ естественно, что у ея родныхъ зародилась мысль выдать ее замужъ. Въ октябрѣ этого же года она становится женою мелкаго чиновника Чернова. Если мы бросимъ взглядъ на всю предшествовавшую жизнь Дуровой, на ея взглядъ на роль женщины, то, естественно, возникаетъ вопросъ: что побудило Дурову рѣшиться на такой шагъ?

Почти невозможно съ достовѣрностью отвѣтить на это, такъ какъ въ своихъ «Запискахъ» она ни слова не говоритъ о своей семейной жизни; возможно, что ея родители, какъ это часто дѣлалось въ тѣ времена, просто выдали ее замужъ, не считаясь съ ея желаніемъ. Предположить же, что она вышла замужъ просто по влеченію къ молодому Чернову, менѣе правдоподобно, если мы припомнимъ всѣ особенности характера Дуровой.

Но какъ бы то ни было, замужество Дуровой — фактъ, не вызывающій сомнѣній; достаточно припомнить уже ранѣе приведенный нами документъ — метрическую запись Сарапульскаго Вознесенскаго собора отъ 25-го октября 1801 г.

Черезъ годъ у Надежды Андреевны родился сынъ Иванъ, о чемъ также имѣется метрическая запись подъ № 3 1803 г.

«Сарапульскаго нижняго земскаго суда дворянскаго засѣдателя Василія Степанова Чернова сынъ Іоаннъ, родился 7 Генваря. Воспріемникъ Сарапульскій городничій Андрей Васильевъ сынъ Дуровъ».

Здѣсь же приведемъ еще одинъ любопытный документъ, въ которомъ говорится о сынѣ Н. А. Дуровой; это прошеніе старика Дурова на Высочайшее Имя объ опредѣленіи на казенный счетъ въ институтъ его младшей дочери, а въ корпусъ внука, сына дочери Надежды.

Копія.

7081. Изъ Вятской губерніи.

Докладывано 1 Авг. 1808 г.

Высочайше повелѣно внука просителя и дочь привезти сюда на казенный счетъ и опредѣлить перваго—въ военно-сиротское отдѣленіе, а послѣднюю — въ таковое же отдѣленіе подъ управленіемъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны находящееся.

Вятскому Гражданскому Губернатору и Военному Министру сообщ. 28 Августа.

Писано г. Вилламову 31 Августа.

Дуровъ, Коллежскій Совѣтникъ Вятской губерніи города Сарапуля городничій проситъ опредѣлить 9-лѣтняго сына его и внука—сына дочери его, отличившейся въ прошедшую съ французами войну подъ именемъ Соколова—въ какой-либо корпусъ, а 8-лѣтнюю дочь—въ Смольный Монастырь, и доставить ихъ сюда на казенный счетъ.

(Подписалъ) Статсъ-Секретарь *Молчановъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно (подписалъ) *С. Писаревъ.*

Настоящая копія выдана изъ Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній 26 Января 1902 года. Г. С.-Петербургъ.

Управляющій дѣлами Канцеляріи (подписалъ) *Баронъ Аккурти.*

М. П.

И. о. Секретаря Канцеляріи (подписалъ) *С. Писаревъ.*

По всей вѣроятности, супружеская жизнь Черновыхъ сложилась неудачно и даже появленіе на свѣтъ ребенка не внесло успокоенія въ уже начавшійся семейный разладъ. Вскорѣ послѣ свадьбы Чернова командировали въ Ирбитъ; Надежда Андреевна поѣхала было съ нимъ, но затѣмъ его оставила тамъ для того, чтобы болѣе уже никогда къ нему не вернуться.

Мы затрудняемся сказать, что было причиной ея неудачно сложившейся семейной жизни; во всякомъ случаѣ, не малую роль играло ея воспитаніе, въ связи со свойствами ея характера. Въ одной своей позднѣйшей повѣсти «Игра судьбы или противозаконная любовь» Надежда Андреевна горячо заступается за молодую женщину, героиню повѣсти; она молоденькой, неопытной дѣвушкой рано вышла замужъ и оказывается только для того, чтобы переносить всевозможныя оскорбленія своего мужа, не встрѣчая въ окружающихъ ея людяхъ ничего, кромѣ порицаній и осужденій, тогда какъ ея порочнаго мужа всѣ оправдываютъ и считаютъ прекраснымъ человѣкомъ. Весьма вѣроятно, что въ этой повѣсти мы и находимъ картину семейной жизни самой Дуровой.

Бросивъ мужа, Надежда Андреевна снова поселилась у родителей. Къ этому времени отношенія между ними еще болѣе обострились, и Надежда Андреевна

просто томилась, попавъ опять въ дрязги семейной жизни. Единственно, что ее развлекаетъ, это верховая ѣзда, къ которой она пристрастилась еще съ дѣтства. Отецъ, который самъ ее училъ, подарилъ ей лошадь, ея любимца «Алкида», и казачій костюмъ; онъ искренно восхищался, какъ кавалеристъ, смѣлой ея ѣздой, ея умѣніемъ держаться въ сѣдлѣ и управлять лошадью. Вообще, отецъ, какъ она это сама не разъ подчеркиваетъ, любилъ и баловалъ, по мѣрѣ возможности, свою старшую дочь. Уже это видно хотя бы изъ того, что, когда семейныя неурядицы стали невыносимы, то мать прежде всего рѣшаетъ выписать отъ бабушки свою дочь, въ надеждѣ, что ея присутствіе будетъ способствовать возстановленію правильныхъ семейныхъ отношеній. Но эта надежда бѣдной женщины, видимо, не оправдалась, и домашняя обстановка оставалась по прежнему тяжелой и гнетущей.

Надежда Андреевна не въ состояніи больше переносить эти семейные раздоры; она, кажется, готова куда угодно бѣжать, лишь бы избавиться отъ этихъ ненавистныхъ условій жизни.

Въ силу этого, она рѣшаетъ кореннымъ образомъ измѣнить всю свою дальнѣйшую жизнь. Она рѣшаетъ уйти изъ дому и, переодѣвшись казакомъ, поступаетъ въ казачій полкъ, выступавшій изъ Сарапуля на западную границу. Одѣвъ казачій костюмъ, подаренный ей отцомъ, уѣзжаетъ она на своемъ «Алкидѣ», оставивъ на берегу рѣки свое женское платье, что давало поводъ предполагать, что она утонула. Вскорѣ она нагоняетъ казаковъ и упрашиваетъ взять ее съ собою, назвавшись Александромъ Васильевымъ, якобы дворянскимъ сыномъ, противъ воли родителей рѣшившимъ во что бы то ни стало поступить на военную службу.

Такимъ образомъ Надежда Дурова для семьи и современниковъ перестала существовать, и мы будемъ встрѣчать ее подъ разными оффиціальными мужскими именами.

Итакъ, въ 1806 году Надежда Андреевна исчезаетъ изъ дома родителей. Лишь въ 1807 году отецъ, какъ и всѣ члены семьи, считавшій ее умершей, получаетъ письмо изъ Гродно, въ которомъ она сообщаетъ о томъ, что служитъ въ Коннопольскомъ полку товарищемъ (рядовымъ) подъ именемъ Александра Васильева Соколова.

Помѣщаемъ здѣсь письмо Андрея Васильевича Дурова отъ 27-го августа 1807 г. къ брату его, Николаю Васильевичу, проживавшему въ то время въ Петербургѣ, въ которомъ онъ сообщаетъ брату о болѣзни и смерти своей жены и проситъ навести подробныя справки о дочери Надеждѣ:

«Ради Бога, узнайте о Надеждѣ и дайте ей объ этомъ знать; она, вѣрно, пріѣдетъ домой, не замай будетъ дѣтямъ матерью, а мнѣ другомъ; я ее очень люблю. Вотъ тебѣ извѣстіе, приведшее меня въ крайнее сокрушеніе; не знаю, когда успокоюсь, а теперь крайне тяжело. Время, конечно, все въ забвеніе приводитъ, но память о ней будетъ вѣчная. Прости, вѣрно, и ты слезу чувствительности выронишь объ ней. Братъ твой А. Дуровъ. P. S. Крайне бы хотѣлось знать объ Надеждѣ [1])».

Упоминаемъ здѣсь, что существовала версія, будто бы Дурова ушла съ полковникомъ или есауломъ казачьяго полка; въ Гродно онъ ее бросилъ и она тогда поступила въ Коннопольскій полкъ, но эта версія ни чѣмъ не подтверждается. Гораздо правдоподобнѣе, что Надежда Андреевна, слѣдуя влеченію своего живого,

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1872 г. 10, стр. 2043.

предпріимчиваго и рѣшительнаго характера, своего до нѣкоторой степени геройскаго духа, просто присоединилась къ уходящему полку безъ всякихъ романическихъ побужденій.

Нѣкоторые, въ томъ числѣ Мордовцевъ, объясняютъ рѣшеніе Надежды Андреевны вліяніемъ разговоровъ о Прасковьѣ Лупановой, извѣстной подъ именемъ «Параши-Сибирячки». Въ 1804 году Параша пришла пѣшкомъ изъ Тобольска въ Петербургъ просить Государя о помилованіи отца, сосланнаго въ Сибирь въ 1798 г. По слухамъ, Лупанова, направляясь въ Петербургъ, проходила черезъ г. Ирбитъ, гдѣ въ то время жила Надежда Андреевна; послѣдняя, конечно, слышала объ ней, а, можетъ быть, и видѣла ее. Подвигъ Лупановой могъ, несомнѣнно, укрѣпить Надежду Андреевну въ принятомъ ею рѣшеніи, могъ дать ей извѣстный толчокъ, но объяснять рѣшеніе Дуровой исключительно вліяніямъ Параши-Сибирячки нѣтъ никакихъ основаній. Извѣстная доля воинственности, какая-то экзальтированная храбрость въ то время были свойственны многимъ женщинамъ. Достаточно сказать, что во французскихъ войскахъ въ эпоху Наполеона и раньше въ республиканскихъ войскахъ встрѣчались женщины-солдаты, удачно сходившія за мужчинъ. Да и у насъ были подобные случаи, но при нѣсколько иной обстановкѣ.

Въ 1814 г. жена командира Измайловскаго полка генерала Храповицкаго, урожденная Дедюлина, сопровождала мужа въ теченіи всего похода до Парижа подъ видомъ комнатнаго казачка; она была даже награждена медалью «За взятіе Парижа». Можетъ быть, живи Дурова лѣтъ на 50—60 позднѣе, она, не удовлетворившись семейной обстановкой, нашла бы другой выходъ для своей энергіи и предпріимчивости; но тогда что могло ожидать Дурову въ лучшемъ случаѣ: однообразная, тоскливая жизнь въ такой глуши, какъ Сарапуль, и постоянные упреки со стороны близкихъ и знакомыхъ за нежеланіе мириться съ окружавшей ее обстановкой.

При этихъ условіяхъ, рѣшеніе Дуровой, насквозь проникнутой героическими увлеченіями современной ей эпохи, бросить ненавистную ей сѣренькую жизнь скромной провинціалки, представляется, при особенномъ складѣ ея натуры, не такимъ уже сумасброднымъ.

На западной границѣ, гдѣ вскорѣ должны были начаться военныя дѣйствія, она могла увидѣть совершенно особенную жизнь, полную опасностей и лишеній, но зато и не лишенную разнообразія и интереса.

Въ «Запискахъ», описывая свой побѣгъ изъ дома, она говоритъ: «Итакъ, я на волѣ! Свободна, независима! Я взяла мнѣ принадлежащее: мою свободу, свободу, драгоцѣнный даръ неба, неотъемлемо принадлежащій каждому человѣку! Я умѣла взять ее, охранить отъ всѣхъ притязаній на будущее время, и отнынѣ до могилы она будетъ и удѣломъ моимъ, и наградою!»

Не имѣемъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы съ увѣренностью сказать, что Надежда Андреевна, покинувъ родной домъ, нашла полное удовлетвореніе въ новой для нея жизни; что эта новая жизнь вознаградила ее за все, перенесенное ею прежде. Однако, повидимому, новая обстановка, дѣйствительно, пришлась ей по душѣ. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить то, что она такъ сроднилась со своей ролью мужчины. Съ самого 1806 г., когда она покинула Сарапуль, и до своей смерти въ 1866 г., т. е. въ теченіе шестидесяти лѣтъ, у нея ни разу не явилось стремленія превратиться вновь въ Надежду Андреевну

Дурову. Даже послѣ выхода въ отставку, когда она жила снова въ родныхъ краяхъ и ея инкогнито болѣе не существовало, она по прежнему сохраняла мужскія привычки. Носила она всегда мужское платье, черный сюртукъ съ Георгіемъ въ петлицѣ. О себѣ всегда говорила: «я пришелъ, я сказалъ» и ничто ее такъ не обижало, какъ если кто нибудь въ разговорѣ обращался къ ней, называя ее Надеждой Андреевной.

По поводу своей манеры держаться всегда по-мужски, Дурова разсказываетъ въ своей книгѣ «Годъ жизни въ Петербургѣ», какъ она этимъ смутила Пушкина при первой съ нимъ встрѣчѣ въ 1836 г.:

«Впрочемъ, любезный гость мой приходилъ въ примѣтное замѣшательство всякой разъ, когда я, разсказывая что нибудь, относящееся ко мнѣ, говорила: «былъ!.. пришелъ!.. пошелъ!.. увидѣлъ!.. долговременная привычка употреблять «ъ» вмѣсто «а» дѣлала для меня эту перемѣну очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролью, обратившеюся мнѣ уже въ природу! Наконецъ, Пушкинъ поспѣшилъ кончить и посѣщеніе, и разговоръ, начинавшій дѣлаться для него до крайности труднымъ».

Когда Пушкинъ, уходя, поцѣловалъ ея руку, то Дурова поспѣшно выхватила ее, покраснѣла и воскликнула: «Ахъ, Боже мой, я такъ давно отвыкъ отъ этого!»

Но возвратимся теперь къ только что прибывшему въ Гродно Александру Васильевичу Соколову.

Въ Гродно въ то время какъ разъ шла усиленная вербовка для укомплектованія Коннопольскаго полка, потерявшаго въ бояхъ много людей. Вербовкой завѣдывалъ ротмистръ Казимірскій, къ нему и обратилась Надежда Андреевна съ просьбой принять ее въ Коннопольскій полкъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, относящихся къ ея казачьему костюму, Казимірскій согласился принять ее въ полкъ.

Надежда Андреевна въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что она поступила въ полкъ подъ фамиліей «Дурова», но это не вѣрно, такъ какъ ниже мы будемъ имѣть случай привести ея формулярный списокъ, въ которомъ она значится подъ именемъ Александра Васильева Соколова. Мечта Надежды Андреевны осуществилась. Она—товарищъ Коннопольскаго полка и поручена одному улану, который долженъ былъ ее обучить всѣмъ премудростямъ солдатской науки: маршировкѣ, рубкѣ, стрѣльбѣ, владѣнію пикою, уходу за лошадью и т. д. Вотъ какъ она сама говоритъ объ этомъ:

«Всякій день встаю я на зарѣ и отправляюсь въ сборню [1]), оттуда всѣ вмѣстѣ идемъ въ конюшню; уланскій менторъ мой хвалитъ мою понятливость и всегдашнюю готовность заниматься эволюціями, хотя бы это было съ утра до вечера. Онъ говоритъ, что я буду молодецъ. Сколько ни бываю я утомлена, размахивая цѣлое утро тяжелою пикою, сестрою сабли, маршируя и прыгая на лошади черезъ барьеръ, но въ полчаса отдохновенія усталость моя проходитъ, и я отъ двухъ до шести часовъ хожу по полямъ, горамъ, лѣсамъ безстрашно, беззаботно и безустанно!»

Сознаніе свободы, съ момента поступленія на военную службу, вызываетъ въ ней чувство безумной радости, которая въ ея дневникѣ выражается слѣдующими словами:

---

[1]) Изба, гдѣ учили молодыхъ солдатъ.

«Свобода, драгоцѣнный даръ неба, сдѣлалась, наконецъ, удѣломъ моимъ навсегда! Я ею дышу, наслаждаюсь, ее чувствую въ душѣ, въ сердцѣ. Ею проникнуто мое существованіе, ею оживлено оно! Вамъ, молодыя мои сверстницы, вамъ однѣмъ понятно мое восхищеніе! Однѣ только вы можете знать цѣну моего счастья. Вы, которыхъ всякій шагъ на счету, которымъ нельзя пройти двухъ саженъ безъ надзора и охраненія, которыя отъ колыбели и до могилы въ вѣчной зависимости и подъ вѣчной защитой Богъ знаетъ отъ кого и отъ чего! Вы, повторяю, однѣ только можете понять, какимъ радостнымъ ощущеніемъ полно сердце мое при видѣ обширныхъ лѣсовъ, необозримыхъ полей, горъ, долинъ, ручьевъ и, при мысли, что по всѣмъ этимъ мѣстамъ я могу ходить, не давая никому отчета и не опасаясь ни отъ кого запрещенія; я прыгаю отъ радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу болѣе словъ: ты, дѣвка, сиди, тебѣ неприлично ходить одной прогуливаться».

Коннопольскаго полка унт.-офиц. (товарищъ) Александръ Васильевичъ Соколовъ (Н. А. Дурова). 1807 г.

Изъ собр. портр. уланск. Литовскаго полка.

Какая искренняя ненависть къ установившемуся вѣками положенію женщины звучитъ въ этихъ словахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти слова Дуровой какъ бы приводятъ въ недоумѣніе: о какой такой свободѣ можетъ быть рѣчь, когда суровый режимъ являлся отличительной чертой военной службы того времени. Но стоитъ глубже вникнуть, въ смыслъ ея словъ, и всякое недоумѣніе разсѣивается; становится ясно, что здѣсь идетъ рѣчь не о свободѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова; она говоритъ о свободѣ, какъ объ извѣстной самостоятельности, присущей мужчинѣ при какихъ бы то ни было жизненныхъ обстоятельствахъ въ большей мѣрѣ, нежели женщинѣ. Достаточно припомнить послѣднія слова вышецитированной фразы, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго: «Я прыгаю отъ радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу болѣе словъ: ты, дѣвка, сиди; тебѣ неприлично ходить одной прогуливаться». Итакъ, имѣемъ возможность лишній разъ подчеркнуть, что, по своимъ взглядамъ, характеру и, главное, по своему духу, она вообще мало походила на женщину, а тѣмъ болѣе на женщину своего времени. Это былъ мужчина въ образѣ женщины.

Ничто не въ состояніи поколебать рѣшеніе Дуровой: никогда болѣе не возвращаться въ ненавистную ей прежнюю обстановку. Она легко мирится со всѣми

лишеніями и трудностями, неразрывно связанными съ жизнію товарища (рядового) Коннопольскаго полка. Между тѣмъ, какъ мы видимъ изъ ея же «Записокъ», тѣ трудности, которыя ей пришлось преодолѣть на первыхъ же порахъ ея службы, могли бы заставить отказаться отъ выбранной карьеры не только женщину, но и любого дворянскаго сынка, за какого она себя выдавала. Даже такое сравнительно ничтожное обстоятельство, какъ «казенные сапоги», и то было причиной не малыхъ страданій. Вотъ какъ она сама на это жалуется.

«Ахъ, Боже, я точно прикована къ землѣ тяжестью моихъ сапогъ и огромныхъ брячащихъ шпоръ! Охотно бы заказала сшить себѣ одну пару жиду сапожнику, но у меня такъ мало денегъ; надобно терпѣть, чего нельзя перемѣнить. Съ того дня, какъ я надѣла казенные сапоги, не могу уже болѣе попрежнему прогуливаться».

Но черезъ нѣсколько времени она, видимо, примирилась даже съ тѣмъ, что ей казалось самымъ ужаснымъ на военной службѣ, съ «казенными сапогами», и пишетъ: «я привыкла къ своимъ кандаламъ, т. е. къ казеннымъ сапогамъ, и теперь бѣгаю такъ же легко и неутомимо, какъ прежде; только на ученьи тяжелая дубовая пика едва не отламываетъ мнѣ руку, особливо, когда надобно вертѣть ею поверхъ головы: досадный маневръ».

Наконецъ, послѣ довольно продолжительной стоянки въ деревняхъ подъ Гродно, Коннопольскій полкъ выступилъ въ походъ за границу, и Дурова въ восторгѣ восклицаетъ: «Мы идемъ за границу! въ сраженье! Я такъ рада и такъ печальна! Если меня убьютъ, что будетъ со старымъ отцомъ моимъ? Онъ любилъ меня! Черезъ нѣсколько часовъ я оставлю Россію и буду въ чужой землѣ! Пишу къ отцу, гдѣ я и что я теперь; пишу, что, падая къ стопамъ его и обнимая колѣна, умоляю простить мнѣ побѣгъ мой, дать благословеніе и позволить идти путемъ, необходимымъ для моего счастія».

Это письмо изъ Гродно, посланное Дуровой отцу, и было причиной того, что старикъ, сообщая брату Николаю въ Петербургѣ о смерти жены, поручаетъ ему разузнать въ столицѣ какія нибудь дальнѣйшія подробности о мѣстонахожденіи дочери. Письмо Надежды Андреевны, по ея словамъ, произвело тяжелое впечатлѣніе на родныхъ и, особенно, на мать, которая умерла, не перенеся нареканій дочери.

«Я имѣла безразсудство писать, что непомѣрная строгость матери выгнала меня изъ дома отцовскаго, что я прошу батюшку, въ случаѣ, если буду убита, простить мнѣ ту печаль, которую нанесетъ ему смерть моя. Матушка лежала опасно больная въ постели и была очень слаба, когда ей принесли это письмо; она взяла его, прочитала; молчала съ минуту, потомъ, сказавъ со вздохомъ: «она винитъ меня!» отвернулась къ стѣнѣ и умерла... Я рыдала, какъ пятилѣтнее дитя, слушая этотъ разсказъ. Думала ли я, что батюшка покажетъ ей это письмо». О смерти матери ей разсказалъ дядя при встрѣчѣ съ ней въ Петербургѣ.

Результатомъ ея письма изъ Гродно и было то, что ея дядя, по просьбѣ отца, представилъ Императору Александру I Всеподданнѣйшій докладъ отъ 28-го сентября 1807 г. съ просьбой о повелѣніи розыскать Надежду Чернову—товарища Коннопольскаго полка Соколова.

«Коллежскій совѣтникъ Дуровъ, въ Вятской губерніи, въ городѣ Сарапулѣ жительствующій, ищетъ повсюду дочь Надежду, по мужу Чернову, которая, по семейнымъ несогласіямъ, принуждена была скрыться изъ дому и отъ родныхъ

своихъ и отъ которой было письмо изъ Гродно, что она, записавшись подъ именемъ Александра Васильева сына Соколова въ конный польскій полкъ, служитъ товарищемъ и была во многихъ съ непріятелемъ сраженіяхъ.

Отецъ ея и братъ его, въ Санктпетербургѣ находящійся, всеподданнѣйше просятъ Высочайшаго повелѣнія о возвращеніи имъ сей несчастной [1])».

Несомнѣнно, что вызовъ Дуровой въ Петербургъ явился слѣдствіемъ этого Всеподданнѣйшаго доклада. Сама Дурова объясняетъ вызовъ случайно дошедшимъ до Государя все тѣмъ же своимъ письмомъ къ отцу, которое старикъ Дуровъ послалъ къ брату, прося сдѣлать все возможное, чтобы розыскать и вернуть Надежду въ родительскій домъ. О Всеподданнѣйшемъ же докладѣ она вовсе не упоминаетъ.

Какъ письмо, такъ и вышеприведенный Всеподданнѣйшій докладъ опровергаютъ вымыселъ о томъ, что инкогнито Дуровой было обнаружено совершенно случайно; разсказываютъ, что будто бы она была ранена въ одномъ изъ сраженій, потеряла сознаніе, ей пришлось дѣлать перевязку, и тайна, которую она такъ тщательно хранила, была раскрыта. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было; для сослуживцевъ Коннополькевъ она до конца оставалась Соколовымъ, и только начальство, получивъ изъ Петербурга предписаніе доставить ее въ столицу, узнало ея тайну.

Отославъ изъ Гродно письмо отцу, Дурова съ восторгомъ идетъ за границу, горя нетерпѣніемъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вскорѣ эскадронъ ея, подъ командою ротмистра Казимірскаго, догоняетъ полкъ, и командиръ полка генералъ-маіоръ Каховскій дѣлаетъ смотръ полку [2]).

«Смотръ кончился. Казимирскій былъ столько вѣжливъ, что не поставилъ меня въ одну шеренгу съ завербованными, но представилъ особливо Каховскому; онъ назначилъ меня въ лейбъ-эскадронъ, которымъ командуетъ ротмистръ Галеръ.

«Наконецъ, мечты мои осуществились! Я—воинъ, Коннополецъ, ношу оружіе, и, сверхъ того, счастіе помѣстило меня въ одинъ изъ храбрѣйшихъ полковъ нашей арміи!»

Маріупольскаго гусарскаго полка корнетъ Александръ Андреевичъ Александровъ (Н. А. Дурова).
1810 г.
Изъ собр. портр. уланск. Литовскаго полка.

[1]) «Русскій Архивъ» 1872 г. 10, стр. 2043.

[2]) Генералъ-маіоръ Петръ Деміановичъ Каховскій назначенъ шефомъ Польскаго уланскаго полка 6-го іюня 1803 г. Заимствовано изъ его формулярнаго списка 1814 г.

Такими словами описываетъ Дурова свое поступленіе въ ряды Коннопольскаго полка.

Начинается боевая жизнь полка, полная лишеній и опасностей. 22-го мая 1807 года—это день, когда Дурова впервые участвуетъ въ сраженіи, это день серьезнаго испытанія для Дуровой, изъ котораго она вышла съ честью. Въ сраженіи подъ Гутштадтомъ она показываетъ примѣръ высокой доблести: она спасаетъ офицера отъ неминуемой гибели, за что впослѣдствіи и была награждена Георгіевскимъ крестомъ. Вотъ какъ она описываетъ это первое сраженіе:

«Въ первый разъ еще видѣла я сраженіе и была въ немъ. Какъ много пустого наговорили мнѣ о первомъ сраженіи, о страхѣ, робости и, наконецъ, отчаянномъ мужествѣ! Какой вздоръ! Полкъ нашъ нѣсколько разъ ходилъ въ атаку, но не вмѣстѣ, а поэскадронно. Меня бранили за то, что я съ каждымъ эскадрономъ ходила въ атаку; но это, право, было не отъ излишней храбрости, а просто отъ незнанія; я думала, такъ надобно, и очень удивлялась, что вахмистръ чужого эскадрона, подлѣ котораго я неслась, какъ вихрь, кричалъ на меня: «да провались ты отсюда, зачѣмъ ты здѣсь скачешь». Воротившись къ своему эскадрону, я не стала въ свой ранжиръ, но разъѣзжала поблизости: новость зрѣлища поглотила все мое вниманіе; грозный и величественный гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, ревъ или какое-то рокотанье летящаго ядра, скачущая конница, блестящіе штыки пѣхоты, барабанный бой и твердый шагъ и покойный видъ, съ какимъ пѣхотные полки наши шли на непріятеля, все это наполняло душу мою такими ощущеніями, которыхъ я никакими словами не могу выразить.

«Едва было я не лишилась своего неоцѣненнаго «Алкида»: разъѣзжая, какъ я уже сказала, вблизи своего эскадрона и разсматривая любопытную картину битвы, увидѣла я нѣсколько человѣкъ непріятельскихъ драгунъ, которые, окруживъ одного русскаго офицера, сбили его выстрѣломъ изъ пистолета съ лошади. Онъ упалъ, и они хотѣли рубить его лежащаго. Въ ту-жъ минуту я понеслась къ нимъ, держа пику на перевѣсъ. Надобно думать, что эта сумасбродная смѣлость испугала ихъ, потому что они въ то же мгновеніе оставили офицера и разсыпались врознь; я прискакала къ раненому и остановилась надъ нимъ; минуты двѣ смотрѣла я на него молча; онъ лежалъ съ закрытыми глазами, не подавая знака жизни; видно, думалъ, что надъ нимъ стоитъ непріятель; наконецъ, онъ рѣшился взглянуть, и я тотчасъ спросила его, не хочетъ ли онъ сѣсть на мою лошадь. Ахъ, сдѣлайте милость, другъ мой, сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ; я тотчасъ сошла съ лошади и съ трудомъ подняла раненаго, но тутъ и кончилась моя услуга; онъ упалъ ко мнѣ на руку грудью, и я, чуть держась на ногахъ, не знала, что мнѣ дѣлать и какъ посадить его на «Алкида», котораго тоже держала за поводъ другою рукою; такое положеніе кончилось бы очень невыгодно для обоихъ, то есть для офицера и для меня, но, къ счастью, подъѣхалъ къ намъ его полка солдатъ и помогъ мнѣ посадить раненаго на мою лошадь. Я сказала солдату, чтобъ лошадь прислали въ Коннопольскій полкъ товарищу Дурову, а драгунъ сказалъ мнѣ, что спасенный мною офицеръ, поручикъ Панинъ Финляндскаго драгунскаго полка, и что лошадь мою тотчасъ пришлютъ. Офицера повезли къ его полку, а я пошла къ своему.

Одна за другой, какъ въ калейдоскопѣ, смѣнялись боевыя картины: Вотъ Пассаржа, Гейльсбергъ, Фридландъ...

Война 1807 г. завершилась миромъ въ Тильзитѣ. Здѣсь Дурова впервые увидѣла Императора Александра I.

Всѣ невзгоды, всѣ тягости похода она выноситъ наравнѣ съ другими, отличаясь въ сраженіяхъ большой, иногда даже безразсудной храбростью, изъ-за которой она не разъ попадаетъ впросакъ и получаетъ выговоры; послѣ Фридланда, къ своему величайшему огорченію, она получаетъ выговоръ даже отъ самого генерала Каховскаго, который отправляетъ ее въ наказаніе въ вагенбургъ. Страшно обиженная такимъ рѣшеніемъ своего начальника, она вспоминаетъ это въ «Запискахъ». «Я пріѣхала въ полкъ, и теперь уже не ротмистръ, но самъ Каховскій, генералъ нашъ, сказалъ мнѣ, что храбрость моя сумасбродная, сожалѣніе безумно, что бросаюсь въ пылъ битвы, когда не должно, хожу въ атаку съ чужими эскадронами, среди сраженія спасаю встрѣчнаго и поперечнаго и отдаю лошадь свою, кому вздумается ее попросить, а самъ остаюсь пѣшкомъ среди сильнѣйшей сшибки; что онъ выведенъ изъ терпѣнія моими шалостями и приказываетъ мнѣ ѣхать сейчасъ въ вагенбургъ. Мнѣ, въ вагенбургъ!! До послѣдней капли кровь ушла изъ лица моего! И самый страшный сонъ не представлялъ мнѣ ничего ужаснѣе этого наказанія! Казимірскій, отечески любившій меня, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на измѣненіе лица моего; онъ что-то сказалъ тихонько шефу, но тотъ отвѣтилъ: «нѣтъ, нѣтъ! надобно сберечь его». Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сталъ говорить гораздо уже ласковѣе: «я отсылаю васъ въ вагенбургъ для того, чтобъ сохранить для отечества храбраго офицера на будущее время; черезъ нѣсколько лѣтъ вы съ большею пользою можете употребить ту смѣлость, которая теперь будетъ стоить вамъ жизни, не принеся никакой выгоды. Ахъ, что мнѣ въ этихъ пустыхъ утѣшеніяхъ! Это одни слова, а сущность та, что я ѣду въ вагенбургъ».

Но, вотъ, кампанія кончена. Войска возвращаются въ Россію. Начинается однообразная жизнь солдата въ мирное время въ глухихъ стоянкахъ, и грустныя мысли о томъ, какъ сложится дальше ея судьба и что ждетъ ее впереди невольно возникаютъ въ умѣ Надежды Андреевны.

«Неужели я всю жизнь буду простымъ солдатомъ», съ чувствомъ горечи говоритъ она: «Вышемирскаго произвели уже въ унтеръ-офицеры. Правда, у него есть покровительница графиня Понятовская. Еще при началѣ кампаніи, она сама привезла его къ Беннигсену и получила отъ него обѣщаніе быть непосредственнымъ покровителемъ ея питомца. Но я, я одна въ этомъ пространномъ мірѣ. Кому надобность заботиться обо мнѣ. Надобно всего ожидать отъ времени и самой себя. Странно было бы, если бъ начальники мои не умѣли отличить меня отъ солдатъ, взятыхъ отъ сохи».

Вскорѣ Надежда Андреевна понесла тяжелую утрату: палъ горячо любимый ею конь «Алкидъ», что страшно потрясло Дурову, вообще отличавшуюся большою любовью ко всѣмъ животнымъ.

Затѣмъ день за днемъ потянулась довольно монотонная жизнь мирнаго времени. Надежда Андреевна уже начала тяготиться однообразіемъ окружавшей ея обстановки; ученья, смотры,—все, что такъ ее раньше привлекало, теперь, послѣ испытаннаго въ дни походовъ и сраженій, казалось такимъ безцвѣтнымъ, лишеннымъ всякаго интереса. Такъ уныло бѣжали дни за днями, когда вдругъ, совершенно неожиданно, ее потребовали въ штабъ полка безъ всякихъ объясненій. Предчувствуя что-то особенное, она пишетъ:

«Какой-то важный переворотъ готовится въ жизни моей! Каховскій спрашивалъ меня: «согласны ли были мои родители, чтобы я служилъ въ военной службѣ и не противъ ли ихъ воли это сдѣлалось». Я тотчасъ сказала правду, что отецъ и мать мои никогда бъ не отдали меня въ военную службу; но что, имѣя непреодолимую наклонность къ оружію, я тихонько ушла отъ нихъ съ казачьимъ полкомъ. Хотя мнѣ только семнадцать лѣтъ, однако-жъ, я имѣю столько опытности, чтобы угадать тотчасъ, что Каховскій знаетъ обо мнѣ болѣе, нежели показываетъ, потому что, выслушавъ мой отвѣтъ, онъ не оказалъ и виду удивленія къ странному образу мыслей моихъ родителей, не хотѣвшихъ отдать сына въ военную службу, тогда какъ все дворянство предпочтительно избираетъ для дѣтей своихъ военное званіе. Онъ сказалъ только, что мнѣ должно ѣхать въ Витебскъ къ Бугсгевдену съ господиномъ Нейдгардтомъ, его адъютантомъ».

И вотъ, Дурова, въ сопровожденіи адъютанта гр. Бугсгевдена, ѣдетъ въ главную квартиру въ Витебскъ. Она въ волненьи. Что ее ожидаетъ, какой сюрпризъ готовитъ ей судьба. Нѣтъ сомнѣній, что тайна ея раскрыта; это видно и изъ разговора съ шефомъ, и изъ того, что ее внезапно вытребовали въ Витебскъ. Съ трепетомъ ждетъ она пріема у главнокомандующаго. А вдругъ ей не позволятъ остаться на военной службѣ.

Въ жизни Дуровой наступилъ критическій моментъ: инкогнито ея раскрыто. Вызванная въ Петербургъ по желанію Государя, она со страхомъ ждетъ Его рѣшенія: обречена ли она на возвращеніе въ семью, въ ту обстановку, отъ которой она думала, что избавилась навсегда, или, по Его слову, она уже безъ опасенія и вѣчнаго страха быть узнанной и уволенной, вернется на службу, съ которой она уже успѣла сродниться и которую горячо полюбила.

Въ назначенный день и часъ она съ адъютантомъ Бугсгевдена въ пріемной главнокомандующаго. Заимствуемъ изъ «Записокъ» описаніе ея разговора съ гр. Буксгевденомъ:

«Главнокомандующій встрѣтилъ меня съ ласковою улыбкою и прежде всего спросилъ: для чего васъ арестовали, гдѣ ваша сабля? Я сказала, что все мое вооруженіе взяли отъ меня въ эскадронъ. Я прикажу, чтобы все это вамъ отдали; солдата никуда не должно отправлять безъ оружія. Послѣ этого спросилъ, сколько мнѣ лѣтъ и продолжалъ говорить такъ: «Я много слышалъ о вашей храбрости и мнѣ очень пріятно, что всѣ ваши начальники отозвались объ васъ самымъ лучшимъ образомъ»... Онъ замолчалъ на минуту, потомъ началъ опять: «вы не испугайтесь того, что скажу вамъ; я долженъ отослать васъ къ Государю. Онъ желаетъ видѣть васъ! Но, повторяю, не пугайтесь этого; Государь нашъ исполненъ милости и великодушія; вы узнаете это на опытѣ». Я, однако-жъ, испугалась: «Государь отошлетъ меня домой, ваше сіятельство, и я умру съ печали. Я сказала это съ такимъ глубокимъ чувствомъ горести, что главнокомандующій былъ примѣтно тронутъ. Не опасайтесь этого; въ награду вашей неустрашимости и отличнаго поведенія, Государь не откажетъ вамъ ни въ чемъ; а какъ мнѣ велѣно сдѣлать о васъ выправки, то я къ полученнымъ мною отзывамъ вашего шефа, эскадроннаго командира, взводнаго начальника и ротмистра Казимірскаго приложу еще и свое донесеніе; повѣрьте мнѣ, что у васъ не отнимутъ мундира, которому вы сдѣлали столько чести». Сказавъ это, генералъ вѣжливо поклонился мнѣ, что и было знакомъ, чтобы я ушла».

Послѣ представленія Надежды Андреевны, унтеръ офицера Соколова, главнокомандующему гр. Буксгевдену, она была сдана флигель-адъютанту Зассу при рапортѣ и ея формулярномъ спискѣ.

29 Ноября 1807 г. [1])

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Генерала Графа Буксгевдена.

РАПОРТЪ.

№ 612.

Во исполненіе Высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, сообщенной мнѣ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Поповымъ, истребовалъ я служащаго въ Коннопольскомъ полку товарища Александра Соколова и отправилъ его съ флигель-адъютантомъ Вашего Величества Засомъ. При семъ поднося присланный мнѣ отъ полку формулярный о службѣ его списокъ, всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что отличное поведеніе его Соколова и ревностное прохожденіе своей должности съ самаго вступленія его въ службу, пріобрели ему отъ всехъ какъ начальниковъ такъ и сотоварищей его, полную привязанность и вниманіе. Самъ шефъ полка Генералъ-Маіоръ Каховскій, похваляя таковое его служеніе, усердіе и расторопность, съ какими исполнялъ онъ всегда всѣ препорученности, во многихъ бывшихъ съ французскими войсками сраженіяхъ, убѣдительно проситъ оставить его ему въ полку, какъ такого унтеръ-офицера, который совершенную подаетъ надѣжду быть со временемъ весма хорошимъ офицеромъ, да и самъ онъ Соколовъ непремѣнное желаніе имѣетъ остаться всегда на службе.

Генералъ отъ Инфантеріи *Графъ Буксгевденъ.*

№ 439.
Ноября 13 дня 1807 г.

Гоуптъ квартира
въ городе Витебске.

[1]) Оп. 152 Общей Канцеляріи Военнаго Министерства, донесенія съ 26-го ноября по 1-ое декабря 1807 г. кн. № 364. Московскій Архивъ.
Орѳографія подлинника.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

Конно-Польскаго полка товарища СОКОЛОВА.

Ноября 6 дня 1807 года.

№№.	
Имена.	Товарищъ Александръ Васильевъ сынъ Соколовъ.
Сколько отъ роду лѣтъ.	17
Мерою.	2-хъ аршинъ 5 верш.
Какіе имѣетъ примѣты.	Лицомъ смуглъ, рябоватъ, волосы русые, глаза каріе.
Изъ какого состоянія.	Изъ Россійскихъ дворянъ Пермской губерніи, того же уѣзда, — крестьянъ не имѣетъ, доказательство о дворянствѣ не представилъ.
Въ службѣ находится съ котораго времени.	1807. Март. 9.
Въ продолженіи всей службы гдѣ и когда былъ ли въ походахъ и удѣлалъ противъ непріятеля.	Въ Пруссіи и въ дѣйствительныхъ съ французскими войсками сраженіяхъ, 1807 г. Мая 24 подъ г. Гутштатомъ, 25 въ преслѣдованіи непріятеля до рѣки Пасаржи 26 и 27 въ перестрелке и стычкахъ при рѣкѣ Пасарье-жъ 28 у прикрытія Марша арьергарда и при сильномъ отраженіи непріятеля у переправы при г. Гутштатѣ, 29 подъ городомъ Гельзберхомъ, Іюня 2 подъ Фридляндомъ съ 30 Мая по 7 число Іюня у прикрытія Марша арьергарда до местечка Тылзѣта въ безъ престанной перестрелке и при наступленіи непріятеля въ сильныхъ отраженіяхъ онаго.
Россійской грамоте читать и писать умѣетъ ли.	По Россійски читать и писать умѣетъ.
Въ домовыхъ отпускахъ былъ ли и когда и явился ли на срокъ.	Не бывалъ.
Не былъ ли по суду и безъ суда въ штрафахъ, когда и за что именно.	Не бывалъ.
Холостъ или женатъ, имѣетъ ли дѣтей.	Холостъ.
Въ комплектѣ или сверхъ и гдѣ находится.	Въ комплектѣ при полку.

Генералъ-маіоръ Киковской.

Изъ Витебска Надежда Андреевна съ флиг.-адъют. Зассомъ направилась въ Петербургъ, куда прибыла въ серединѣ декабря 1807 года. А затѣмъ была представлена 31-го декабря Императору Александру I.

Предоставляемъ ей самой разсказать, что произошло на пріемѣ у Государя.

«Участь моя рѣшилась! Я была у Государя! видѣла Его! говорила съ Нимъ! Сердце мое слишкомъ полно и такъ неизъяснимо счастливо, что я не могу найти выраженій для описаній чувствъ моихъ! Великость счастья моего изумляетъ меня! восхищаетъ! О Государь! отъ сего часа жизнь моя принадлежитъ Тебѣ!..

«Когда князь В. [1]) отворилъ мнѣ дверь Государева кабинета и затворилъ ее за мною, Государь тотчасъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, и приблизясь со мною къ столу, оперся одною рукою на него, а другою продолжая держать мою руку, сталъ спрашивать въ полголоса и съ такимъ выраженіемъ милости, что вся моя робость исчезла и надежда снова ожила въ душѣ моей. «Я слышалъ,—сказалъ Государь,—что вы не мужчина, правда ли это?» Я не вдругъ собралась съ духомъ сказать: да, Ваше Величество, правда! Съ минуту стояла я, потупивъ глаза, и молчала; сердце мое сильно билось и рука дрожала въ рукѣ Царевой! Государь ждалъ! Наконецъ, поднявъ глаза на Него и сказывая свой отвѣтъ, я увидѣла, что Государь краснѣетъ; вмигъ покраснѣла я сама, опустила глаза и не поднимала уже ихъ до той минуты, въ которую невольное движеніе печали повергло меня къ ногамъ Государя! Разспросивъ подробно обо всемъ, что было причиною вступленія моего въ службу, Государь много хвалилъ мою неустрашимость, говорилъ: что это первый примѣръ въ Россіи; что всѣ мои начальники отозвались обо мнѣ съ великими похвалами, называя храбрость мою безпримѣрною; что Ему очень пріятно этому вѣрить и что Онъ желаетъ сообразно этому наградить меня и возвратить съ честью въ домъ отцовскій, давъ...

«Государь не имѣлъ времени кончить; при словѣ: «возвратить въ домъ» я вскрикнула отъ ужаса и въ ту же минуту упала къ ногамъ Государя: не отсылайте меня домой, Ваше Величество!—говорила я голосомъ отчаянія:—не отсылайте, я умру тамъ! непремѣнно умру! Не заставьте меня сожалѣть, что не нашлось ни одной пули для меня въ эту кампанію. Не отнимайте у меня жизни, Государь, я добровольно хотѣла ею пожертвовать для Васъ!..

Говоря это, я обнимала колѣни Государевы и плакала. Государь былъ тронутъ; Онъ поднялъ меня и спросилъ измѣнившимся голосомъ: «чего жъ вы хотите?» Быть воиномъ! носить мундиръ, оружіе! Это—единственная награда, которую Вы можете дать мнѣ, Государь! другой нѣтъ для меня! Я родилась въ лагерѣ! Трубный звукъ былъ колыбельной пѣснью для меня! Со дня рожденія люблю я военное званіе; съ десяти лѣтъ обдумывала средства вступить въ него; въ шестнадцать достигла цѣли своей одна безъ всякой помощи! На славномъ постѣ своемъ поддерживалась однимъ только своимъ мужествомъ, не имѣя ни отъ кого ни протекціи, ни пособія. Всѣ согласно признали, что я достойно носила оружіе! а теперь Ваше Величество хотите отослать меня домой! Если бъ я предвидѣла такой конецъ, то ничто не помѣшало бъ мнѣ найти славную смерть въ рядахъ воиновъ Вашихъ!—Я говорила это, сложа руки, какъ передъ образомъ, и смотря на Государя глазами, полными слезъ. Государь слушалъ меня и тщетно старался скрыть,

---

[1]) Кн. Волконскій—министръ Двора.

сколько былъ Онъ растроганъ. Когда я перестала говорить, Государь минуты двѣ оставался какъ будто въ нерѣшимости; наконецъ, лицо Его освѣтилось: «если вы полагаете,—сказалъ Императоръ,—что одно только позволеніе носить мундиръ и оружіе можетъ быть вашею наградою, то вы будете имѣть ее!» При этихъ словахъ я затрепетала отъ радости. Государь продолжалъ: «и будете называться по моему имени—Александровымъ. Не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаетесь достойною этой чести отличностію вашего поведенія и поступковъ; не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть безпорочно и что я не прощу вамъ никогда и тѣни пятна на немъ!... Теперь скажите мнѣ, въ какой полкъ хотите вы быть помѣщены? Я произведу васъ въ офицеры». Въ этомъ случаѣ позвольте мнѣ, Ваше Величество, отдаться въ Вашу волю,—сказала я. «Маріупольскій гусарскій полкъ одинъ изъ храбрѣйшихъ и корпусъ офицеровъ изъ лучшихъ фамилій,—говорилъ мнѣ Государь:— я прикажу помѣстить васъ туда. Завтра получите вы отъ Ливена, сколько вамъ надобно будетъ на дорогу и обмундировку. Когда все уже готово будетъ къ вашему отправленію въ полкъ, я еще увижу васъ». Сказавши это, Государь поклонился мнѣ; я тотчасъ пошла къ двери, но, не умѣя отворить, вертѣла во всѣ стороны бронзовую головку, за которую держала; Государь, видя, что я не выйду безъ Его помощи, подошелъ, отперъ мнѣ дверь и смотрѣлъ за мною вслѣдъ до другой двери, съ которою я управилась уже сама».

Судьба Дуровой такимъ образомъ была рѣшена окончательно. Она уже не товарищъ Соколовъ, а корнетъ Александръ Александровъ Маріупольскаго гусарскаго полка; Государь Самъ далъ ей фамилію по Своему Имени, велѣвъ выдать ей все необходимое на дорогу и обмундировку, и Надежда Андреевна безгранично счастлива. Второй пріемъ у Государя передъ отправленіемъ въ полкъ еще увеличилъ ея восторгъ и благодарность:

«Я еще разъ была у Государя! Первыя слова, которыми Онъ встрѣтилъ меня, были: «мнѣ сказывали, что вы спасли офицера! Неужели вы отбили его у непріятеля? Разскажите мнѣ это обстоятельство». Я разсказала подробно все происшествіе и назвала офицера; Государь сказалъ, что это извѣстная фамилія, и что неустрашимость моя въ этомъ одномъ случаѣ болѣе сдѣлала мнѣ чести, нежели въ продолженіе всей кампаніи, потому что имѣла основаніемъ лучшую изъ добродѣтелей—состраданіе! Хотя поступокъ вашъ,—продолжалъ Государь,—служитъ самъ себѣ наградою, однако жъ, справедливость требуетъ, чтобъ вы получили и ту, которая вамъ слѣдуетъ по статуту: за спасеніе жизни офицера дается Георгіевскій крестъ. Съ этими словами Государь взялъ со стола крестъ и Своими руками вдѣлъ въ петлицу мундира моего. Я вспыхнула отъ радости и въ замѣшательствѣ ухватила обѣ руки Государя, чтобъ поцѣловать ихъ, но Онъ не допустилъ. Надѣюсь,—сказалъ Государь,—что крестъ этотъ будетъ вамъ напоминать Меня въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни вашей. Много заключается въ словахъ сихъ! Клянусь, что обожаемый Отецъ Россіи не ошибется въ Своемъ надѣяніи; крестъ этотъ будетъ моимъ ангеломъ-хранителемъ! До гроба сохраню воспоминаніе, съ нимъ соединенное; никогда не забуду происшествія, при которомъ получила его, и всегда-всегда буду видѣть руку, теперь къ нему прикасавшуюся!..»

Въ дополненіе къ только что цитированнымъ нами словамъ Дуровой о награжденіи ея знакомъ Военнаго Ордена, не считаемъ излишнимъ привести удостовѣреніе Капитула Орденовъ: въ спискахъ Капитула по знакамъ отличія Воен-

наго Ордена прежняго образца подъ № 5723 значится пожалованнымъ корнетъ Маріупольскаго гусарскаго полка Александръ Александровъ и внесенъ въ списки Капитула съ отношеніемъ бывшей Государственной военной комиссіи отъ 2-го декабря 1810 г. за № 10526 [1]). Итакъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Надежда Андреевна, дѣйствительно, является единственной женщиной Георгіевскимъ кавалеромъ въ Россіи.

Къ Надеждѣ Андреевнѣ въ 1861 году обращался съ просьбой дать ему свою автобіографію Всеволодъ Николаевичъ Мамышевъ, издатель «Русской патріотической библіотеки. Георгіевскіе кавалеры или подвиги кавалеровъ ордена Св. великомученика и побѣдоносца Георгія». На его письмо Надежда Андреевна отвѣтила слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь всеволодъ николаевичъ [2])! очень пріятно мнѣ, что вы напомнили о знакомствѣ моемъ съ вашимъ родителемъ, человѣкомъ достойнымъ всякаго уваженія какъ по качествамъ ума и сердца, такъ и по могучему таланту писателя, съ удовольствіемъ вспомнилъ я то время, которое провелъ у него на боткинскомъ заводѣ, гдѣ онъ служилъ тогда. Что касается до желанія вашего видеть имя мое въ ряду Георгіевскихъ Кавалеровъ, то хотя оно и польстило моему самолюбію, но не знаю, буду ли я имѣть право на это отличіе: орденъ мой 5-й степени, и я не знаю, даетъ ли онъ право на названіе Кавалера офицеру. О біографіи моей вы можете выправиться въ моихъ запискахъ; въ нихъ подробно описана вся жизнь моя съ самого рожденія. Книги эти вы можете достать въ Императорской библіотекѣ, болѣе нѣтъ уже ихъ нигдѣ, ихъ три, первыя двѣ подъ названіемъ: Дѣвица-Кавалеристъ, а третья просто Записки Александрова, въ истинѣ всего, тамъ написаннаго, я удостовѣряю честнымъ словомъ и надѣюсь, что вы не будете вѣрить всемъ толкамъ и сужденіямъ, дѣлаемымъ вкривь и вкось людьми-сплетниками—въ запискахъ моихъ есть много собственныхъ именъ людей достойныхъ уваженія, которые выставлены при не совсѣмъ пріятныхъ обстоятельствахъ я бы желалъ, чтобы имена эти были замѣнены просто начальными буквами или даже звѣздочками. За симъ свидѣтельствую вамъ мое искреннее уваженіе и остаюсь преданный Слуга вашъ Александровъ (Н. Дурова). 21-го ноября 1861 г., Елабуга».

Вмѣстѣ съ этимъ намъ нигдѣ не удалось найти подтвержденія словъ Николая Васильевича Сушкова, который въ неизданной части своего «Обоза къ потомству» [3]) пишетъ:

«Я видѣлъ этого заслуженнаго воина (Дурову) уже въ черномъ фракѣ, въ сѣрыхъ съ лампасами брюкахъ, съ солдатскимъ крестомъ св. Георгія и съ офицерскимъ св. Владиміра съ бантомъ, въ домѣ В. С. Шереметьева. Къ обѣду онъ повелъ одну изъ хозяекъ. Послѣ обѣда курилъ табакъ изъ гусарской трубки. Александровъ отказался отъ службы, какъ обиженный: ему прислали на голову ротмистра. Два раза, однако жъ, его удерживали въ полку и только по третьему прошенію онъ уволенъ».

О томъ, что Надежда Андреевна имѣла орденъ св. Владиміра ни она не упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ» да и никто другой изъ современниковъ не гово-

[1]) Удостовѣреніе № 4311 Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ ноября 16-го дня 1901 года.

[2]) Рукописный отдѣлъ Императорской публичной библіотеки, орѳографія подлинника сохранена

[3]) Рукопись Н. В. Сушкова хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ № 1356.

ритъ объ этомъ. Вѣрнѣе, что тутъ просто ошибка со стороны Сушкова. Также трудно съ достовѣрностью сказать, какая была причина выхода ея въ отставку обида ли, о которой говоритъ Сушковъ, или семейныя обстоятельства.

Итакъ, въ 1808 году Дурова—корнетъ Маріупольскаго гусарскаго полка Александровъ отправилась изъ Петербурга въ Луцкъ, стоянку полка [1]). Первое время она не помнитъ себя отъ восторга. Она—офицеръ; самъ Государь милостиво разрѣшилъ ея дальнѣйшее пребываніе на военной службѣ, собственноручно наградилъ знакомъ Военнаго Ордена и не только приказалъ выдать ей 1.050 рублей на обмундированіе, но и разрѣшилъ при необходимости обращаться къ нему съ просьбами черезъ графа Ливена. 1.050 рублей, повидимому, хватило не на долго. Маріупольскій полкъ, по ея словамъ, былъ дорогой; съ тѣми деньгами, которыя она получила, она не умѣла распоряжаться. Въ теченіе всей ея жизни мы встрѣчаемъ у нея сѣтованія на недостатокъ средствъ и на то, что деньги прямо неизвѣстно на что и какъ, но таютъ въ ея рукахъ. Лишь только Н. А. Дурова прибыла въ гусарскій полкъ, она сразу очутилась въ довольно неловкомъ положеніи, такъ какъ у нея изъ выданныхъ ей при отправленіи въ полкъ денегъ остались лишь гроши. Помня милостивое разрѣшеніе Императора обращаться къ нему со всѣми нуждами, она не замедлила написать гр. Ливену письмо слѣдующаго содержанія:

«Сіятельнейшій Графъ Милостивый Государь [2]). Пріехавъ въ полкъ 1 Февраля нашелъ я первый эскадронъ въ Луцке, которымъ за отлучкою Князя Щербатова, командуетъ маіоръ Дымчевичъ; я къ нему явился и помещенъ въ его эскадронъ. Надеюсь на милостивое позволеніе вашего сіятельства относится къ вамъ во всехъ своихъ надобностяхъ, осмеливаюсь доложить вашему сіятельству, что я издержалъ деньги, полученныя при отъезде на мундиръ, получилъ все не образцовое и здесь долженъ переделывать и не имею за что купить лошадь и нужные къ ней приборы и также покорнейше прошу ваше сіятельство помочь мнѣ въ томъ случае какъ и при отправленіи въ полкъ: но теперь мнѣ довольно половины той суммы. Я не рѣшился бы безпокоить ваше сіятельство этою пустою прозбою, если бы могъ надеяться жалованіемъ исправить что нужно; но жалованіе намъ скоро не дадутъ, а 1-го Мая будетъ дивизіонный командиръ смотреть полкъ и могу получить много непріятностей, если не буду иметь всего, что долженъ иметь офицеръ по униформу, и, попросивъ еще разъ прощенія у вашего сіятельства въ моей докучливости, къ которой я принужденъ необходимостью, остаюсь вашего сіятельства покорнейшій слуга Александръ Александровъ».

Графъ Ливенъ передалъ письмо это своему пріемнику гр. Аракчееву, который сдѣлалъ помѣтку на этомъ письмѣ: «писалъ къ ней самъ и увѣдомилъ, что 500 рублей денегъ пожалованы».

15-го марта 1808 года Надежда Андреевна, получивъ письмо гр. Аракчеева и 500 рублей, высланные ей, написала письмо гр. Аракчееву:

«Маіа 7-го 1808 г. Сіятельнейшій Графъ [3])! Милостивый Государь! Принося мою чувствительную благодарность за снизхожденіе которое ваше сіятельство ока-

[1]) Въ именномъ спискѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ Маріупольскаго гусарскаго полка за 1807—1811 гг. въ спискахъ корнетовъ за 1808 г. находимъ корнета Александрова, Александра Андреевича. Перешелъ съ 1-го апрѣля 1811 г. въ Литовскій уланскій полкъ.

[2]) Газета «Голосъ» № 346—30 декабря 1863 г. Орѳографія сохранена.

[3]) Архивъ канц. воен. министерства «Частныя письма и просьбы», дѣла гр. Аракчеева № 31, кн. 2—1808 г. Орѳографія сохранена.

зали въ исполненіи моей прозбы, надѣюсь, что сіятельнейшій графъ извините произшедшую отъ неопытности смелость наскучать прозбами тогда какъ я долженъ не просить но заслуживать и позволите быть вашего сіятельства милостивого государя покорнейшимъ слугою Александръ Александровъ».

Въ «Запискахъ» Дурова ничего не упоминаетъ о своемъ посѣщеніи графа Ливена передъ отъѣздомъ въ Маріупольскій полкъ и о томъ, что она просила графа быть ходатаемъ за отца у Государя. Между тѣмъ, въ письмѣ графа Ливена къ графу Аракчееву отъ 21-го февраля 1808 года упоминается о просьбѣ Надежды Андреевны объ отцѣ, а также приводимъ ниже и письмо старика Дурова къ графу Аракчееву.

«Графъ Алексѣй Андреевичъ! Государь Императоръ повелѣть мнѣ изволилъ увѣдомить Ваше Сіятельство, къ единому Вашему свѣдѣнію, что дочь коллежскаго совѣтника Андрея Дурова въ прошломъ 1807 году, скрывъ свой полъ, опредѣлилась въ Польскій уланскій полкъ рядовымъ подъ именемъ Соколова, и служилъ всю прошедшую кампанію съ отличіемъ, за что произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры и награжденъ знакомъ отличія Св. Георгія. Родной ея дядя, коллежскій совѣтникъ Николай Дуровъ, находящійся здѣсь въ Петербургѣ, открылъ ея тайну и просилъ объ увольненіи ея отъ военной службы; вслѣдствіе сего она, по Высочайшему повелѣнію, выписана была сюда; но по елику она объявила лично Его Величеству желаніе продолжать службу, то по сему и опредѣлена она въ Маріупольскій гусарскій полкъ корнетомъ подъ именемъ Александрова, дабы тѣмъ скрыть настоящее ея состояніе, ибо о семъ званіи и родственникамъ ея не извѣстно; изъ Польскаго уланскаго полка она выключена. При отъѣздѣ ея просила она меня быть ходатаемъ объ отцѣ при Его Императорскомъ Величествѣ, который служитъ городничимъ въ Вятской губерніи, въ городѣ Сарапулѣ. Получа нынѣ отъ него препровождаемое при семъ письмо и доведя оное до свѣдѣнія Его Величества, Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ сіе письмо доставить вашему сіятельству съ вышеозначеннымъ поясненіемъ».

Письмо старика Дурова:

«По увѣдомленію дочери моей, проживающей въ Петербургѣ подъ именемъ Александръ Соколовъ, по несчастью, служившей въ Коннопольскомъ полку товарищемъ, которая пишетъ, чтобы я прямо адресовался къ Вамъ, что я исполняя, покорнѣйше прошу первое принять меня въ Ваше покровительство и все бѣдное мое семейство, а потому и несчастнаго моего друга Соколова или я не знаю подъ какимъ онъ теперь именемъ. Прошу Ваше Сіятельство внять гласу природы и пожалѣть о несчастномъ отцѣ, прослужившемъ въ арміи слишкомъ двадцать лѣтъ офицеромъ, а потомъ продолжавшемъ статскую службу также болѣе двадцати лѣтъ, лишившись жены, или лучше сказать, наилучшаго друга, и имѣя надежду на Соколова, что, по крайней мѣрѣ, онъ усладитъ мою старость и водворитъ въ нѣдрахъ моего семейства спокойствіе; но во всемъ вышло противное: онъ пишетъ, что въ полкъ ѣдетъ служить, куда не изъясняя въ своемъ письмѣ. Нельзя ли сдѣлать милость увѣдомить почтеннѣйшимъ Вашимъ извѣщеніемъ, гдѣ и въ какомъ полку, и могу ли я надѣяться скоро имѣть ея дома хозяйкою. Сія милость Ваша усугубитъ мое терпѣніе, и беру смѣлость испросить Васъ иногда Соколову написать; онъ увѣрилъ меня, что Вы доставите ему мои письма. Ахъ какъ я, отецъ мой, буду Вамъ за это благодаренъ, и тогда удостойте Вашимъ милостивымъ отвѣтомъ!»

ФОРМУЛЯРНЫЙ

за 1814

о службѣ поручика Литовскаго уланскаго полка АЛЕКСАНДРОВА, который уволенъ отъ службы за бо

№№ по порядку.	Чинъ, имя, отчество прозваніе и какого вѣроисповѣданія; также какіе имѣетъ ордена и прочіе знаки отличія.	Сколько лѣтъ отъ роду.	Изъ какого состоянія, и буде изъ дворянъ, то не имѣетъ ли крестьянъ, и если имѣетъ, то гдѣ, въ какихъ селеніяхъ, и сколько именно.	Въ службу вступилъ и въ оной какими чинами происходилъ и когда.				Въ теченіи службы въ которыхъ именно полкахъ и баталіонахъ по переводамъ и происхожденіямъ находился.			
				Чины.	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.	Полки и баталіоны.	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
10.	Поручикъ Александръ Андреевъ сынъ Александровъ. Имѣетъ знаки отличія военнаго ордена Св. Георгія.	23.	Изъ Россійскихъ дворянъ, крестьянъ за отцомъ его въ Вятской губерніи мужеска пола 150 душъ крестьянъ.	Принятъ Корнетомъ.	807	Декабря	31	Въ Маріупольскій гусарскій полкъ . . .	807	Декабря.	31
								а изъ онаго по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію переведенъ въ Литовскій уланскій полкъ . . .	811	Апр.	1
				Поручикомъ.	812	Авг.	29	Въ семъ полку.			

Подлинный подписалъ: Полковой командиръ

Съ подлиннымъ вѣрно: За Завѣдывающаго Московскимъ Отдѣленіемъ Общаго

Съ подлиннымъ свѣрялъ Надворный

---

[1]) Выписана изъ книги формулярныхъ списковъ, доставленныхъ отъ названнаго полка по архиву № 3197.

Копія [1]).

СПИСОКЪ

годъ

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ, состоявшимся въ 9-й день марта 1816 года, лѣзнію Штабсъ-Ротмистромъ.

Во время службы своей въ походахъ и въ дѣлахъ противъ непріятеля гдѣ и когда былъ; также какія награды за отличія въ сраженіяхъ и по службѣ удостоился получить.	Въ походахъ 1807 года въ Пруссіи противу французскихъ войскъ въ сраженіяхъ подъ мѣстечкомъ Гутштатомъ, при преслѣдованіи непріятеля до рѣки Посарги и въ сраженіяхъ подъ Эльсбергомъ, гдѣ за отличность награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія 5 класса. 1812 года противу французскихъ войскъ въ Россійскихъ предѣлахъ въ разныхъ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, Іюня 27-го подъ мѣстечкомъ Миромъ, Іюля 2-го подъ мѣстечкомъ Романовымъ, 16-го и 17-го подъ деревнею Дашковкою, Августа 4-го и 5-го подъ городомъ Смоленскомъ, 16-го при деревнѣ Лужкахъ, 20-го подъ городомъ Ржацкою пристанью, 23-го подъ Колоцкимъ монастыремъ, 24-го при селѣ Бородинѣ, гдѣ и получилъ отъ ядра контузію въ ногу, отуда и отправленъ былъ для излеченія, а потомъ прибывъ въ Резервный эскадронъ 1813 г., въ которомъ находясь въ Герцогствѣ Варшавскомъ при блокадѣ крѣпости Модлина съ 10-го Августа по 20-е Октября равно при блокадѣ городовъ Гамбурга и Гарбурга находился.
Россійской грамотѣ читать и писать умѣетъ.	Россійской читать и писать умѣетъ.
Въ домовыхъ отпускахъ былъ ли, когда именно, на какое время и явился ли на срокъ.	1811 года увольненъ былъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію съ 9-го Февраля по 15-е Марта и на срокъ явился.
Въ штрафахъ былъ ли, по суду или безъ суда, за что именно и когда.	Не обмывалъ.
Холость или женатъ, имѣетъ ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ и какого вѣроисповѣданія.	Холостъ.
Въ комплектѣ или сверхъ комплекта, при полку или въ отлучкѣ, гдѣ находится, по чьему повелѣнію и съ какого времени.	Налицо при полку.
Къ повышенію достоинъ, или зачѣмъ именно не аттестуется.	Достоинъ.

Подполковникъ *Лапатинъ*.

Архива Главнаго Штаба Коллежскій Совѣтникъ *Поповъ*.

Совѣтникъ *Киселевскій*.

Несмотря на настойчивую просьбу старика отца, инкогнито Надежды Андреевны сохранялось вплоть до ея поѣздки въ отпускъ изъ Маріупольскаго полка къ отцу зимой 1809 года.

Обласканная Государемъ, награжденная знакомъ отличія Военнаго Ордена и довольно крупною по тѣмъ временамъ денежною суммою, Дурова съ самыми радостными мыслями ѣдетъ къ мѣсту стоянки своего новаго полка въ г. Луцкъ. Прибывъ въ полкъ, Дурова перезнакомилась съ офицерами и ихъ семьями и вскорѣ совершенно освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ. Въ 1809 году она поѣхала въ двухмѣсячный отпускъ домой къ отцу, но жизнь въ провинціи, отъ которой она уже окончательно отвыкла, была слишкомъ не по ней и она, по окончаніи отпуска, съ радостнымъ чувствомъ отправилась обратно въ полкъ. Въ полку въ то время жилось, по ея описаніямъ, пріятно и весело. Особенно часто Дурова вспоминаетъ о семьѣ подполковника Павлищева, съ семьей котораго она сблизилась благодаря слѣдующему случаю.

На одномъ изъ конныхъ ученій, въ присутствіи начальника дивизіи кн. Суворова, Надежда Андреевна упала съ лошади. Послѣ ученія ее потребовалъ къ себѣ командиръ баталіона [1]) маіоръ Дымчевичъ [2]) и приказалъ ей отправиться въ мѣстечко Турискъ къ полковому берейтору поручику Вихману и у него учиться ѣздить верхомъ. Подполковникъ Павлищевъ командовалъ запаснымъ эскадрономъ. Вихманъ и Надежда Андреевна постоянно бывали въ семьѣ Павлищевыхъ, и, въ концѣ концовъ, Надежда Андреевна была въ этой семьѣ своимъ человѣкомъ. Старшая дочь Ольга Ивановна была очаровательной дѣвушкой, веселой и привѣтливой. Она учила Надежду Андреевну игрѣ на гитарѣ, а послѣдняя учила Ольгу Павлищеву рисовать. Если вѣрить нѣкоторымъ источникамъ, то причиной перехода Надежды Андреевны впослѣдствіи въ Литовскій уланскій полкъ была та же Ольга Павлищева. Надежда Андреевна замѣтила, что молодая дѣвушка, не предполагая инкогнито, начала увлекаться корнетомъ Александровымъ, которому подарила на память кольцо. Одновременно и товарищи Александрова стали подшучивать надъ нимъ и его яко бы романѣ. Не желая открывать свое инкогнито и не желая въ то же время ставить Ольгу Павлищеву въ фальшивое положеніе, Надежда Андреевна предпочла перевестись въ другой полкъ. На всю жизнь она сохранила теплое воспоминаніе о дружбѣ съ милой Павлищевой, подарокъ которой, золотое кольцо, она никогда не снимала съ руки.

Уроки верховой ѣзды Надежда Андреевна описала въ своихъ «Запискахъ» кратко, живо, интересно и поучительно:

«Я живу у нашего полкового берейтора поручика Вихмана и каждое утро часа полтора ѣзжу верхомъ безъ сѣдла на попонкѣ и вечеромъ съ часъ. Къ досадѣ моей, Вихманъ страстный охотникъ и я, волею или неволею, но должна ѣздить вмѣстѣ съ нимъ на охоту. Иногда я рѣшительно отказываюсь участвовать въ этихъ смертоубійствахъ; тогда Вихманъ стращаетъ меня, что, если не буду ѣздить на охоту, то не буду умѣть крѣпко держаться въ сѣдлѣ. Охота—единственный способъ, говоритъ онъ, достигнуть совершенства въ искусствѣ верховой ѣзды,

[1]) Баталіонъ, въ настоящее время дивизіонъ.

[2]) Дымчевичъ, маіоръ Петръ Степановичъ (именной списокъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ Маріупольскаго гусарскаго полка съ 1807—1811 годъ.

и я опять отправляюсь скакать, сломя голову, по какимъ-то опушкамъ, островамъ, болотамъ и кочкамъ».

Сама же Надежда Андреевна объясняетъ ея переходъ въ Литовскій уланскій полкъ тѣмъ, что жизнь въ Маріупольскомъ полку была ей не по средствамъ. Отъ Маріупольскаго гусарскаго полка Надежда Андреевна въ 1810 году была командирована ординарцемъ къ Милорадовичу, главнокомандующему резервной арміей. Въ Кіевѣ ей пришлось представляться Ермолову, отъ личности котораго она осталась въ восторгѣ. Приводимъ здѣсь ея своеобразную и мѣткую характеристику этого генерала. «Пріемъ генерала былъ весьма ласковъ и вѣжливъ. Обращеніе Ермолова имѣетъ какую-то обворожительную простоту и вмѣстѣ обязательность. Я замѣтила въ немъ черту, заставляющую меня предполагать въ Ермоловѣ необыкновенный умъ: ни въ комъ изъ бывающихъ у него офицеровъ не полагаетъ онъ невоспитанія, незнанія, неумѣнья жить; съ каждымъ говоритъ онъ, какъ съ равнымъ себѣ, и не старается упростить свой разговоръ, чтобъ быть понятнымъ; онъ не имѣетъ смѣшного предубѣжденія, что выраженія и способъ объясняться людей лучшаго тона не могутъ быть понятны для людей средняго сословія. Эта высокая черта ума и доброты предубѣдила меня видѣть все уже съ хорошей стороны въ нашемъ генералѣ. Черты лица и физіономія Ермолова показываютъ душу великую и непреклонную».

Литовскаго уланск. полка поручикъ Александръ Андреевичъ Александровъ (1811 г.).

Изъ собр. портретовъ уланск. Литовскаго полка.

Дурова, повидимому, очень успѣшно справлялась съ своей ролью ординарца; по крайней мѣрѣ, если ей вѣрить, Милорадовичъ всегда бралъ ее съ собой, если нуждался въ ординарцѣ. Вспоминая это время, Дурова пишетъ:

«Выбираются дни, что я съ утра до вечера летаю на своемъ конѣ «Алмазѣ» или подлѣ кареты Милорадовича, или съ порученіями отъ него къ разнымъ лицамъ въ Кіевѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ посылаетъ меня тогда только, когда тотъ, къ кому надобно послать, проѣзжій или пріѣзжій генералъ; но когда онъ выѣзжаетъ самъ въ каретѣ или верхомъ, то всегда уже сопровождаю его я одна съ моими гусарами, и никогда никакой другой ординарецъ не ѣздитъ за нимъ. Изъ этого я заключаю, что Милорадовичъ любитъ блескъ и пышность; самолюбію его очень пріятно, что блистающій золотыми шнурами гусаръ на гордомъ конѣ рисуется близъ окна его кареты и готовъ, по мановенію его, летѣть, какъ стрѣла, куда онъ прикажетъ».

У Милорадовича Дурова пробыла ординарцемъ два мѣсяца и затѣмъ возвратилась въ полкъ. Вскорѣ она уѣхала въ 28-дневный отпускъ въ Петербургъ, гдѣ въ то время постъ графа Аракчеева занялъ Барклай де Толли. Къ нему и обратилась Дурова съ просьбой о денежномъ пособіи, которое ей было выдано въ размѣрѣ 500 рублей 19-го декабря 1810 года. Въ этотъ же пріѣздъ въ Петербургъ Надежда Андреевна стала хлопотать черезъ посредство Барклая де Толли о переводѣ ея въ уланскій Литовскій полкъ, выбравъ его, какъ хорошо ей знакомый.

Еще до выхода Высочайшаго приказа о переводѣ, Надеждѣ Андреевнѣ было выдано денежное пособіе въ размѣрѣ 478 руб. $12^1/_2$ к. на обмундированіе и проѣздъ въ уланскій Литовскій полкъ.

1-го апрѣля 1811 года состоялся Высочайшій приказъ о переводѣ корнета Александрова изъ гусарскаго Маріупольскаго полка въ уланскій Литовскій полкъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ разсталась Надежда Андреевна съ товарищами Маріупольцами, гдѣ ей такъ все пришлось по сердцу и съ которыми у нея были связаны лучшія воспоминанія, воспоминанія о тѣхъ радостныхъ дняхъ, когда она впервые одѣла офицерскіе гусарскіе шнуры. Съ грустью и сожалѣніемъ она говоритъ о минутахъ разставанія съ полкомъ:

«Съ прискорбіемъ разсталась я съ моими достойными товарищами, съ сожалѣніемъ скинула я блестящій мундиръ свой и печально надѣла синій колетъ съ малиновыми отворотами. Сказавъ печальное прости храбрымъ сослуживцамъ, золотому мундиру и вороному коню, сѣла я на перекладную телѣгу и понеслась во весь скокъ по дорогѣ къ Пинску».

Уланскій Литовскій полкъ квартировалъ въ Домбровицѣ. Въ полку Надежда Андреевна скоро освоилась и пріобрѣла друзей, и жизнь ея стала протекать весело и беззаботно. Но, вотъ, пришло приказаніе: выступить въ 24 часа, и вновь началась для нея походная и боевая жизнь.

Въ своемъ дневникѣ «Запискахъ» Надежда Андреевна такъ описываетъ первые дни своего пребыванія въ полку и вообще жизнь полка:

«Меня назначили въ эскадронъ къ ротмистру Подъямпольскому, прежнему сослуживцу моему по Маріупольскому полку. Доброму генію моему угодно, чтобы и здѣсь эскадронные товарищи мои были люди образованные: Шварцъ, Чернявскій и два брата Торнези, отличные офицеры въ полку по уму, тону и воспитанію. Подъямпольскій не далъ мнѣ еще никакого взвода; я живу у него; всякій день взводные начальники пріѣзжаютъ къ намъ и мы очень весело проводимъ наше время».

Шефомъ Литовскихъ уланъ былъ Тутолминъ. Домбровицы принадлежали графу Платеру, который радушно принималъ у себя Литовскихъ уланъ. Въ доброе старое время умѣли веселиться: «Балъ у Тутолмина смѣняется баломъ у Платера; мы танцуемъ поутру, танцуемъ ввечеру, послѣ развода, который теперь всякій день дѣлается съ музыкою и полнымъ парадомъ и всегда передъ глазами нашего генералъ-инспектора, графини Мануцци, мы ѣдемъ всѣ къ полковнику; у него завтракаемъ, танцуемъ и, наконецъ, расходимся по квартирамъ готовиться къ вечернему балу».

Такъ Надежда Андреевна описываетъ мирное времяпрепровожденіе. Но, вотъ, какъ мы выше сказали, грянулъ боевой кличъ и было получено приказаніе Литовскому уланскому полку выступить въ походъ въ 24 часа; этимъ приказомъ вновь и началась походная и боевая жизнь для Надежды Андреевны.

11 марта 1812 г. Литовскій уланскій полкъ выступилъ изъ Домбровицы, и начались опять переходы, передвиженія, остановки въ маленькихъ деревенькахъ. Объ одной изъ этихъ стоянокъ, какъ разъ въ то время, когда распространилось извѣстіе, что Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи, Дурова пишетъ:

«Мы стоимъ въ бѣдной деревушкѣ на берегу Наревы. Каждую ночь лошади наши осѣдланы, мы одѣты и вооружены; съ полуночи половина эскадрона садится на лошадей и выѣзжаетъ за селеніе содержать пикетъ и дѣлать разъѣзды; другая остается въ готовности на лошадяхъ. Днемъ мы спимъ. Этотъ родъ жизни очень похожъ на описаніе, которое дѣлаетъ мертвецъ Жуковскаго:

«Близъ Наревы домъ мой тѣсный:
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ,
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ».

Это точь-въ-точь мы, Литовскіе уланы: всякую полночь сѣдлаемъ, выѣзжаемъ; и домикъ, который занимаю, тѣсенъ, малъ и близъ самой Наревы. О сколько это положеніе опять дало жизни всѣмъ моимъ ощущеніямъ. Сердце мое полно чувствъ, голова мыслей, плановъ, мечтаній, предположеній; воображеніе мое рисуетъ мнѣ картины, блистающія всѣми лучами и цвѣтами, какіе только есть въ царствѣ природы и возможностей. Какая жизнь, какая полная, радостная, дѣятельная жизнь. Какъ сравнить ее съ тою, какую вела я въ Домбровицѣ. Теперь каждый день, каждый часъ я живу и чувствую, что живу: о, въ тысячу разъ, въ тысячу разъ превосходнѣе теперешній родъ жизни... Балы, танцы, волокитства, музыка... О Боже! какія пошлости, какія скучныя занятія!»

Затѣмъ началось постепенное медленное отступленіе всей арміи, съ рѣдкими перестрѣлками и незначительными стычками съ непріятелемъ. Вскорѣ отступленіе становится болѣе быстрымъ. Надежда Андреевна говоритъ: «Скорымъ маршемъ идемъ мы вглубь Россіи и несемъ на плечахъ своихъ непріятеля, который отъ чистаго сердца вѣритъ, что мы бѣжимъ отъ него. Счастіе ослѣпляетъ... Охота же такъ бѣжать... Я не знаю, что мнѣ дѣлать; смертельно боюсь изнемочь; впослѣдствіи это припишутъ не чрезмѣрности столькихъ трудовъ, но слабости моего пола. Мы идемъ и день и ночь. Отдохновеніе наше состоитъ въ томъ только, что остановя полкъ, позволятъ намъ сойти съ лошадей на полчаса; уланы тотчасъ ложатся у ногъ своихъ лошадей, а я, облокотясь на сѣдло, кладу голову на руку, но не смѣю закрыть глазъ, чтобъ невольный сонъ не овладѣлъ мною. Мы не только не спимъ, но и не ѣдимъ: спѣшимъ куда-то. Ахъ, бѣдный нашъ полкъ.

«Чтобъ прогнать сонъ, меня одолѣвающій, я встаю съ лошади и иду пѣшкомъ; но силы мои такъ изнурены, что я спѣшу опять сѣсть на лошадь и съ трудомъ поднимаюсь на сѣдло. Жажда палитъ мою внутренность; воды нѣтъ нигдѣ, исключая канавъ по бокамъ дороги; я сошла опять съ лошади и съ величайшимъ неудобствомъ достала на самомъ днѣ канавы отвратительной воды, теплой и зеленой; я набрала ее въ бутылку и, сѣвъ съ этимъ сокровищемъ на лошадь, везла еще верстъ пять, держа бутылку передъ собою на сѣдлѣ, не имѣя рѣшимости ни выпить, ни бросить эту гадость; но чего не дѣлаетъ необходимость! Я кончила тѣмъ, что выпила адскую влагу...

«Еслибъ я имѣла милліоны, отдала бы ихъ теперь всѣ за позволеніе уснуть. Я въ совершенномъ изнеможеніи. Всѣ мои чувства жаждутъ успокоенія... Мнѣ вздумалось взглянуть на себя въ свѣтлую полосу своей сабли: лицо у меня блѣдно, какъ полотно, и глаза потухли. Съ другими нѣтъ такой сильной перемѣны и, вѣрно, оттого, что они умѣютъ спать на лошадяхъ; я не могу».

Наконецъ, Литовскій полкъ подошелъ къ Смоленску, гдѣ войскамъ объявили манифестъ Императора Александра.

«Близъ Смоленска объявили намъ Государевъ манифестъ, въ которомъ было сказано: «что Государь не удерживаетъ болѣе нашего мужества и даетъ свободу отомстить непріятелю за скуку противувольнаго отступленія, до сего времени необходимаго... Солдаты наши прыгали отъ радости, и взоры всѣхъ пылали мужествомъ и удовольствіемъ. «Наконецъ!—говорили офицеры,—теперь будетъ наша очередь догонять».

«*Смоленскъ.* Я опять слышу грозный, величественный гулъ пушекъ. Опять вижу блескъ штыковъ. Первый годъ моей воинственной жизни воскресаетъ въ памяти моей!.. Нѣтъ! трусъ не имѣетъ души! Иначе, какъ могъ бы онъ видѣть, слышать все это и не пламенѣть мужествомъ! Часа два дожидались мы приказанія подъ стѣнами крѣпости Смоленской; наконецъ, велѣно намъ идти на непріятеля. Жители города, видя насъ проходящихъ въ порядкѣ, устройствѣ, съ геройскою осанкою и увѣренностію въ своихъ силахъ, провожали насъ радостными восклицаніями; нѣкоторые, а особливо старики, безпрерывно повторяли: помоги Богъ! помоги Богъ!» какимъ-то необыкновенно торжественнымъ голосомъ, который заставлялъ меня содрогаться и приводилъ въ умиленіе...

«Полкъ нашъ помѣщенъ по обѣимъ сторонамъ дороги; эскадронъ Подъямпольскаго на лѣвой; еще лѣвѣе кирпичные сараи. Мѣсто, намъ доставшееся, такъ неудобно для оборотовъ кавалеріи, что, при первомъ натискѣ непріятеля, мы не удержимъ его за собою; все это поле изрыто, усѣяно мелкими кустами и перерѣзано рытвинами, такъ что при каждомъ быстромъ движеніи эскадронамъ пришлось бы перескакивать на каждомъ шагу или ровъ, или кустъ, или яму. Такъ какъ здѣсь брали глину для кирпичей, то ямъ было безчисленное множество и, сверхъ того, всѣ онѣ были полны дождевой воды. Намъ было велѣно удерживать непріятеля. Итакъ, чтобы завязать дѣло, Подъямпольскій, выстроивъ эскадронъ въ боевой порядокъ, велѣлъ выѣхать фланкерамъ. «Кому изъ васъ, господа, угодно взять надъ ними начальство?»— спросилъ насъ ротмистръ... Старшій Торнези сейчасъ вызвался; онъ и человѣкъ двадцать лучшихъ наѣздниковъ пустились на непріятеля. Черезъ часъ они возвратились всѣ, исключая Торнези, котораго французы изрубили; говорятъ, что онъ въ запальчивости занесся въ толпу ихъ и, сколько они ему ни кричали: «Randez-vous! Randez-vous!» онъ, не слушая, рубилъ ихъ направо и налѣво и, наконецъ, они съ остервенѣніемъ кинулись на него и вмигъ его не стало.

«Когда Подъямпольскій спросилъ фланкеровъ, какъ могли они допустить, чтобъ изрубили ихъ офицера, то они въ оправданіе свое сказали, что Торнези заскакалъ въ толпу непріятелей и, не принимая предложенія ихъ сдаться, рубилъ и бранилъ ихъ безъ пощады, и что они всѣ вдругъ кинулись на него; множество сабель засверкало надъ несчастнымъ Торнези, и онъ упалъ къ ногамъ своей лошади безъ жизни и образа.

«Мы всѣ смотрѣли очень внимательно на правую сторону дороги, гдѣ происходило уже сраженіе, и нѣкоторые изъ нашихъ эскадроновъ отлично дрались; дорого заплатили бы мы за это зѣваніе по сторонамъ, еслибъ нашъ священникъ Вартминскій, самый неустрашимый человѣкъ изъ всего полка, не подъѣхалъ къ намъ и не указалъ въ лѣвую сторону своею нагайкою (единственнымъ оружіемъ, которое онъ равно употреблялъ для лошадей и для непріятеля). Взглянувъ, куда онъ указывалъ, мы увидѣли скачущую къ намъ во флангъ непріятельскую кавалерію; въ одно мгновеніе Подъямпольскій скомандовалъ: «второму полуэскадрону правое плечо впередъ» и, поставя его къ непріятелю лицомъ, приказалъ мнѣ взять начальство и въ ту же минуту ударить на несущуюся къ намъ конницу. Восхитительная минута для меня. Но вдругъ команда моя: «съ мѣста маршъ-маршъ!» слилась съ громовымъ голосомъ нашего начальника, раздавшимся позади нашего фронта: «назадъ, назадъ»... Въ одну секунду мой полуэскадронъ повернулся назадъ и поскакалъ, сломя голову, на большую дорогу; я осталась позади всѣхъ. Безъ порядка скакалъ эскадронъ густой толпою по кустамъ, буграмъ и рытвинамъ; «Зелантъ», горячій, заносчивый конь мой, рвался изъ подъ меня, но я не смѣла дать ему воли; онъ имѣлъ дурную привычку, разгорячась, драть голову кверху, и мнѣ предстоялъ весьма трудный выборъ: дать волю «Зеланту» и тотчасъ упасть съ нимъ въ яму или полетѣть стремглавъ черезъ кустъ или, придерживая его, быть догнанной непріятелемъ, летящимъ по слѣдамъ нашимъ. Я выбрала послѣднее, какъ болѣе безопасное: посредственность французской кавалеріи давно была мнѣ извѣстна, и я могла быть увѣрена, что въ цѣломъ отрядѣ, который гнался за нами, ни одна лошадь не равнялась «Зеланту» въ быстротѣ. Итакъ, удерживая коня своего, неслась я большимъ галопомъ вслѣдъ скачущаго эскадрона, но, слыша близко за собою топотъ лошадей и увлекаясь невольнымъ любопытствомъ, не могла не оглянуться. Любопытство мое было вполнѣ награждено: я увидѣла скачущихъ за мною на аршинъ только отъ крестца моей лошади трехъ или четырехъ непріятельскихъ драгунъ, старавшихся достать меня палашами въ спину. При этомъ видѣ я, хотя не прибавила скорости моего бѣга, но, сама не знаю для чего, закинула саблю на спину остріемъ вверхъ. Миновавъ бугры и ямы, «Зелантъ», какъ бурный вихрь, унесъ меня отъ толпы непріятельской. Выбравшись на ровное мѣсто, мы отплатили непріятелю за свое безпорядочное бѣгство: повинуясь голосу офицеровъ, эскадронъ въ минуту пришелъ въ порядокъ, построился и грозною тучею понесся навстрѣчу непріятелю. Земля застонала подъ копытами ретивыхъ коней, вѣтеръ свисталъ во флюгерахъ пикъ нашихъ, казалось, смерть со всѣми ея ужасами неслась впереди фронта храбрыхъ уланъ. Непріятель не вынесъ этого вида и, желая уйти, былъ догнанъ, разбитъ, разсѣянъ и прогнанъ несравненно съ большимъ урономъ, нежели былъ нашъ, когда мы приневолены были отступать во весь духъ черезъ бугры и рытвины.

«Теперь эскадронъ нашъ поставили на правой сторонѣ дороги, а бугристое поле занято егерями. «Давно бы такъ!—говоритъ Подъямпольскій, покручивая усы съ досадою...—Мы здѣсь должны охранять крѣпость и такъ стоимъ безъ дѣла, но въ готовности, то есть на лошадяхъ и пики на перевѣсъ. Впереди насъ стрѣлки Бутырскаго полка перестрѣливаются съ непріятельскими. Храбрый, отличный полкъ. Какъ только онъ началъ дѣйствовать, въ ту же минуту пули непріятельскія перестали долетать до насъ».

«На этомъ мѣстѣ мы будемъ до завтра. Бутырскій полкъ смѣненъ другимъ, и теперь пули не только долетаютъ до насъ, но и ранятъ. Подъямпольскому это очень непріятно. Наконецъ, наскучa видѣть, что у насъ то того, то другого отводили за фронтъ, онъ послалъ меня въ Смоленскъ къ Штакельбергу [1]) сказать о критическомъ положеніи нашемъ и спросить, что онъ прикажетъ дѣлать. Я исполнила, какъ было велѣно, сказала Штакельбергу, что у насъ много ранено людей и спросила, какое будетъ его приказаніе. «Стоять,—отвѣчалъ Штакельбергъ,—стоять, не трогаясь ни на шагъ съ мѣста. Странно, что Подъямпольскій присылаетъ объ этомъ спрашивать!» Я съ великимъ удовольствіемъ повезла этотъ прекрасный отвѣтъ своему ротмистру: «Что,—кричалъ мнѣ издали Подъямпольскій,—что велѣно?» «Стоять, ротмистръ!» «Ну, стоять, такъ стоять»,—сказалъ онъ спокойно и, оборотясь къ фронту съ тѣмъ неустрашимымъ видомъ, который такъ ему свойственъ, хотѣлъ было нѣсколько ободрить солдатъ, но, къ удивленію своему, увидѣлъ что они не имѣютъ въ этомъ нужды: взоры и лица храбрыхъ уланъ были веселы; недавняя побѣда одушевила черты ихъ геройствомъ. Весь ихъ видъ говоритъ: бѣда непріятелю!»

Какъ бы то ни было, но Смоленскъ, какъ извѣстно, былъ оставленъ нашими войсками, которыя продолжали отступленіе въ глубь Россіи.

Послѣ Смоленска Надежда Андреевна была назначена ординарцемъ къ Коновницыну:

«По очереди пришлось мнѣ быть на ординарцахъ у Коновницына. Генералъ этотъ очень любитъ находиться, какъ можно ближе, къ непріятелю и, кажется, за ничто считаетъ какія-бъ то ни было опасности; по крайней мѣрѣ онъ такъ же спокоенъ среди битвъ, какъ и у себя въ комнатѣ. Здѣсь завязалось небольшое сраженіе. Генералъ подъѣхалъ къ передовой линіи; но какъ свита его тотчасъ привлекла вниманіе и выстрѣлы непріятеля, то онъ приказалъ намъ разъѣхаться. Не знаю почему, мы не скоро послушались его, и въ это время ранили подъ нимъ лошадь. Непріятель сосредоточилъ на нашей группѣ свои выстрѣлы, что и заставило Коновницына отъѣхать немного далѣе отъ линіи фланкеровъ. Когда мы повернулись всѣ за нимъ, то мой досадный «Зелантъ», имѣя большой шагъ, непримѣтно вышелъ впередъ генеральской лошади. Коновницынъ, увидя это, спросилъ меня очень строго: «куда вы, господинъ офицеръ? Развѣ не знаете, что вамъ должно ѣхать за мною, а не впереди?» Со стыдомъ и досадою осадила я свою лошадь. Генералъ, вѣрно, подумалъ, что это страхъ заставилъ меня прибавить шагу!..

Коновницыну надобно было послать на лѣвый флангъ къ графу Сиверсу узнать, что въ случаѣ отступленія, безопасны ли и удобны ли дороги для его ретирады, довольно ли съ нимъ войска и не нужно ли будетъ ему подкрѣпленія? Для принятія этого порученія явилась я. «Охъ, нѣтъ!»—сказалъ Коновницынъ, взглянувъ на меня,—«вы слишкомъ молоды, вамъ нельзя этого поручить; пошлите кого постарѣе». Я покраснѣла: не угодно ли вашему превосходительству испытать, можетъ быть, я въ состояніи буду понять и исполнить ваши приказанія. «А... очень хорошо, извините меня»,—сказалъ Коновницынъ торопливо и вѣж-

[1]) Полковникъ Штакельбергъ, Отто Оттовичъ, командиръ Литовскихъ уланъ, принявшій полкъ у Тутолмина.

ливымъ тономъ; онъ отдалъ мнѣ свои приказанія, прибавя, чтобъ я какъ можно скорѣе ѣхала. Не успѣла я скрыться у него изъ виду, какъ онъ, тревожимый недовѣрчивостью, послалъ другого ординарца по слѣдамъ моимъ съ тѣмъ же самымъ приказаніемъ, и это было дѣйствіемъ видимаго покровительства Божія, потому что непріятель занялъ уже тѣ мѣста, черезъ которыя проѣхала я къ Сиверсу. Возвращаясь, я встрѣтилась съ посланнымъ офицеромъ, отъ котораго и узнала, что тамъ, гдѣ прежде ѣхала, находятся уже непріятельскіе стрѣлки. Пріѣхавъ къ Коновницину, я разсказала со всею подробностію о положеніи отряда Сиверса, о путяхъ, переправахъ, средствахъ, однимъ словомъ, обо всемъ, что мнѣ велѣно было узнать. Коновницынъ, выслушавъ мое донесеніе, расхвалилъ меня, попросилъ извиненія въ томъ, что усомнился, было, дать мнѣ порученіе по причинѣ моей молодости и, видно, желая загладить это, посылалъ уже вездѣ одну меня черезъ цѣлый день, говоря при каждомъ порученіи: «вы исправнѣе другихъ».

Князь Кутузовъ, герой многихъ славныхъ сраженій, сподвижникъ и соратникъ Суворова, русскій по духу, былъ назначенъ 17-го августа главнокомандующимъ. Русскій народъ былъ удовлетворенъ, а войска—въ восторгѣ.

«У насъ новый главнокомандующій Кутузовъ... Это услышала я, стоя въ кругу ординарцевъ, адъютантовъ и многихъ другихъ офицеровъ, толпящихся около разведеннаго огня. Гусарскій генералъ Дороховъ говорилъ, поглаживая сѣдые усы свои: «дай Богъ, чтобъ Михайло Ларіоновичъ поскорѣе пріѣхалъ и остановилъ насъ; мы разбѣжались, какъ подъ гору».

«Кутузовъ пріѣхалъ... солдаты, офицеры, генералы,—всѣ въ восхищеніи; спокойствіе и увѣренность заступили мѣсто опасеній; весь нашъ станъ кипитъ и дышитъ мужествомъ»...

Вскорѣ пришлось Дуровой участвовать и въ Бородинскомъ сраженіи. Предоставимъ ей самой разсказать объ этомъ кровавомъ днѣ:

«*Бородино.* Вечеромъ вся наша армія расположилась биваками близъ села Бородино. Кутузовъ хочетъ дать сраженіе, котораго такъ давно всѣ желаютъ и ожидаютъ. Нашъ полкъ, по обыкновенію, занимаетъ передовую линію. Въ эту ночь я сколько ни свертывалась, сколько ни куталась въ шинель, но не могла ни согрѣться, ни заснуть. Шалашъ нашъ былъ сдѣланъ a'jour и вѣтеръ свисталъ сквозь него, какъ сквозь разбитое окно. Товарищи мои, которыхъ шинели теплы, спятъ покойно; охотно бы я легла у огня, но его нѣтъ и не разводили.

24-го августа. Вѣтеръ не унялся! На разсвѣтѣ грозно загрохотала вѣстовая пушка. Гулъ ея несся, катился и переливался по всему пространству, занятому войскомъ нашимъ. Обрадовавшись дню, я тотчасъ оставила безпокойный ночлегъ свой! Еще не совсѣмъ замолкъ гулъ пушечнаго выстрѣла, какъ все уже было на ногахъ! Черезъ четверть часа все пришло въ движеніе, все готовится къ бою! Французы идутъ къ намъ густыми колоннами. Все поле почернѣло, закрывшись несмѣтнымъ ихъ множествомъ.

26-го. Адской день! Я едва не оглохла отъ дикаго, неумолкнаго рева обѣихъ артиллерій. Ружейныя пули, которыя свистали, визжали, шикали и, какъ градъ, осыпали насъ, не обращали на себя ни чьего вниманія; даже и тѣхъ, кого ранили, и они не слыхали ихъ: до нихъ ли было намъ!.. Эскадронъ нашъ ходилъ нѣсколько

разъ въ атаку, чѣмъ я была очень недовольна: у меня нѣтъ перчатокъ, и руки мои такъ окоченѣли отъ холоднаго вѣтра, что пальцы едва сгибаются; когда мы стоимъ на мѣстѣ, я кладу саблю въ ножны и прячу руки въ рукава шинели; но когда велятъ идти въ атаку, надобно вынуть саблю и держать ее голою рукой на вѣтру и холодѣ. Я всегда была очень чувствительна къ холоду и вообще ко всякой тѣлесной боли; теперь, перенося днемъ и ночью жестокость сѣвернаго вѣтра, которому подвержена беззащитно, чувствую, что мужество мое уже не то, что было съ начала кампаніи. Хотя нѣтъ робости въ душѣ моей, и цвѣтъ лица моего ни разу не измѣнялся, я покойна, но обрадовалась бы, однако-жъ, если бы перестали сражаться.

Ахъ, если бъ я могла согрѣться и опять почувствовать, что у меня есть руки и ноги. Теперь я ихъ не слышу.

Желаніе мое исполнилось; нужды нѣтъ, какимъ образомъ, но только исполнилось; я не сражаюсь, согрѣлась и чувствую, что у меня есть руки и ноги, а особливо лѣвая нога очень ощутительно даетъ мнѣ знать, что я имѣю ее, она распухла, почернѣла и ломитъ нестерпимо: я получила контузію отъ ядра. Вахмистръ не допустилъ меня упасть съ лошади, поддержалъ и отвелъ за фронтъ. Несмотря на столько битвъ, въ которыхъ была, я не имѣла никакого понятія о контузіи; мнѣ казалось, что получить ее, не значитъ быть ранену, и потому, не видя крови на колѣнѣ своемъ, воротилась я къ своему мѣсту. Подъямпольскій, оглянувшись и видя, что я стою передъ фронтомъ, спросилъ съ удивленіемъ: «зачѣмъ ты воротился?»—Я не раненъ,—отвѣчала я. Ротмистръ, полагая, что меня ударила пуля на излетѣ, успокоился, и мы продолжали стоять и выдерживать огонь до самой ночи. Тогда непріятель зачалъ освѣщать насъ свѣтлыми ядрами, живописно скачущими мимо нашего фронта; наконецъ, и эта забава кончилась, все затихло. Полкъ нашъ отступилъ нѣсколько назадъ и спѣшился, но эскадронъ Подъямпольскаго остался на лошадяхъ. Я не въ силахъ была выдерживать долѣе мученій, претерпѣваемыхъ мною отъ лома въ ногѣ, отъ холода, оледенявшаго кровь мою, и отъ жестокой боли всѣхъ членовъ (думаю оттого, что во весь день ни на минуту не сходила съ лошади). Я сказала Подъямпольскому, что не могу болѣе держаться на сѣдлѣ и что, если онъ позволитъ, то я поѣду въ вагенбургъ, гдѣ штабъ-лекарь Корниловичъ посмотритъ, что дѣлается съ моей ногой; ротмистръ позволилъ. Наконецъ, пришло то время, что я сама охотно поѣхала въ вагенбургъ!»

Послѣ Бородинскаго боя Литовскій уланскій полкъ со всей арміей отступилъ за Москву. Въ это время у Дуровой вышла непріятность, вслѣдствіе которой она очутилась ординарцемъ у Кутузова.

«Штакельбергъ послалъ меня за сѣномъ для полковыхъ лошадей, и я, волею или неволею, но должна была ѣхать на лошади, упрямой, лѣнивой и безобразной, какъ оселъ; пустя впередъ свою команду, ѣхала я за нею, размышляя о непріятномъ положеніи своемъ. Стыдъ и бѣда съ такимъ конемъ ожидаютъ меня въ первомъ дѣлѣ: на непріятеля онъ не пойдетъ, отъ непріятеля не унесетъ...

«Вотъ здѣсь наши заводные,—сказалъ одинъ изъ уланъ своему товарищу, указывая на ближнее селеніе; оно было въ верстѣ отъ дороги, по которой я вела свой отрядъ. Мысль, что могу достать свою лошадь, освѣтила мой умъ, успокоила

и разогнала всѣ мрачные помыслы; я поручила унтеръ-офицеру вести шагомъ отрядъ къ ближнему лѣсу, а сама не поскакала уже, но потряслась, какъ могла скорѣе, къ селу, гдѣ надѣялась найти нашихъ заводныхъ.

Судьба ожесточилась противъ меня: я не нашла здѣсь своей лошади: здѣсь не нашего полка заводныя; уланскія далѣе еще верстахъ въ трехъ отъ селенія.

Несчастный голодный оселъ, на которомъ я сижу и терзаюсь досадою, какую только можно себѣ представить, не хочетъ идти иначе, какъ шагомъ и то съ величайшею лѣнью. Мучительнѣе этого состоянія я еще не испытывала. Еслибъ мнѣ отдали на выборъ: быть ли еще на двухъ Бородинскихъ сраженіяхъ или два дня только имѣть подъ собою эту верховую лошадь,—сію минуту избираю первое, не колебаясь ни секунды.

Я отыскала и взяла своего Зеланта; но какъ дорого мнѣ это стоило. Рѣшась, во что бы то ни стало, избавиться непріятнаго положенія своего, принудила я шпорами и саблею бѣдную лошадь довезти меня рысью до второго селенія, и тутъ, къ восхищенію моему, первый предметъ, который мнѣ представился, былъ Зелантъ. Пересѣвъ на него, полетѣла я, какъ стрѣла, къ тому лѣсу, куда велѣла ѣхать своему отряду; я надѣялась отыскать его по слѣдамъ, но множество дорогъ, идущихъ вправо, влѣво и поперекъ, и на всѣхъ безчисленное множество конскихъ слѣдовъ привели меня въ недоумѣніе. Проѣхавъ версты три на удачу по дорогѣ, которая показалась мнѣ шире другихъ, пріѣхала я къ господскому дому прекрасной архитектуры. Цвѣтникъ передъ крыльцомъ, ведущимъ въ садъ, былъ весь истоптанъ лошадьми; по аллеямъ тянулись богатыя кружева и блонды: слѣды грабительства видны были вездѣ. Не встрѣчая тутъ ни одного человѣка и не зная, какъ отыскать свою команду, рѣшилась я возвратиться въ полкъ. Штакельбергъ, увидя меня одну, спросилъ: «гдѣ жъ ваша команда?» Я откровенно разсказала, что, желая взять свою лошадь въ ближнемъ селеніи, велѣла отряду идти шагомъ къ лѣсу и тамъ дождаться меня; но что, возвратясь, я не нашла ихъ на назначенномъ мѣстѣ и теперь не знаю, гдѣ они. «Какъ смѣли вы это сдѣлать!—закричалъ Штакельбергъ:—какъ смѣли оставить свою команду! Ни на секунду не должны вы были отлучаться отъ нея; теперь она пропала: лѣсъ этотъ занятъ уже непріятелемъ. Ступайте, сударь, сыщите мнѣ людей, иначе я представлю на васъ главнокомандующему и васъ разстрѣляютъ»... Оглушенная этой выпалкой, поѣхала я опять къ проклятому лѣсу, но тамъ были уже непріятельскіе стрѣлки. Куда ты ѣдешь, Александровъ, спросилъ меня офицеръ лейбъ-эскадрона, находившійся въ передовой линіи нашихъ стрѣлковъ. Я отвѣчала, что Штакельбергъ прогналъ меня искать моихъ фуражировъ.—А ты ужели ихъ потерялъ.—Я разсказала. Это, братецъ, пустяки, фуражиры твои, вѣрно, прошли безопасно окольными дорогами и теперь должны быть въ селеніи, занятомъ заводными лошадьми нашего аррьергарда; ступай туда. Я послѣдовала его совѣту и въ самомъ дѣлѣ нашла своихъ людей съ ихъ вьюками сѣна въ этомъ селѣ. На вопросъ: для чего не дожидались меня, сказали, что, услыша скачку и пальбу въ лѣсу, думали, что это непріятель и, не желая вовсе быть взятыми въ плѣнъ, уѣхали дальше, верстъ за восемь; нашли тамъ сѣно, навьючили имъ лошадей и пріѣхали ожидать меня здѣсь. Я отвела ихъ въ полкъ, представила Штакельбергу и поѣхала прямо къ главнокомандующему.

«Пріѣхавъ въ главную квартиру, увидѣла я на однихъ воротахъ написанныя мѣломъ слова: Главнокомандующему; я встала съ лошади и, вошедъ въ сѣни, встрѣтила какого-то адъютанта.—Главнокомандующій здѣсь? спросила я.—Здѣсь, отвѣчалъ онъ вѣжливымъ и ласковымъ тономъ, но въ ту же минуту видъ и голосъ адъютанта измѣнились, когда я сказала, что ищу квартиру Кутузова: «не знаю; здѣсь нѣтъ, спросите тамъ»,—сказалъ онъ отрывисто, не глядя на меня, и тотчасъ ушелъ. Я пошла далѣе и опять увидѣла на воротахъ: «Главнокомандующему». На этотъ разъ я была уже тамъ, гдѣ хотѣла быть: въ передней горницѣ находилось нѣсколько адъютантовъ; я подошла къ тому, чье лицо мнѣ показалось лучше другихъ; это былъ Дишканецъ:—доложите обо мнѣ главнокомандующему, я имѣю надобность до него.—Какую, вы можете объявить ее черезъ меня.—Не могу, мнѣ надобно, чтобы я говорила съ нимъ сама и безъ свидѣтелей; не откажите мнѣ въ этомъ снисхожденіи, прибавила я, вѣжливо кланяясь Дишканцу. Онъ тотчасъ пошелъ въ комнату Кутузова и черезъ минуту, отворяя дверь, сказалъ мнѣ, «пожалуте» и съ этимъ вмѣстѣ самъ вышелъ опять въ переднюю; я вошла и не только съ должнымъ уваженіемъ, но даже съ чувствомъ благоговѣнія поклонилась сѣдому герою, маститому старцу, великому полководцу. «Что тебѣ надобно, другъ мой», спросилъ Кутузовъ, смотря на меня пристально.—Я желала бы имѣть счастіе быть вашимъ ординарцемъ во все продолженіе кампаніи и пріѣхалъ просить васъ объ этой милости. «Какая жъ причина такой необыкновенной просьбы, а еще болѣе способа, какимъ предлагаете ее?» Я разсказала, что заставило меня принять эту рѣшимость и, увлекаясь воспоминаніемъ незаслуженнаго оскорбленія, говорила съ чувствомъ, жаромъ и въ смѣлыхъ выраженіяхъ, между прочимъ, я сказала, что, родясь и выросши въ лагерѣ, люблю военную службу со дня моего рожденія, что посвятила ей жизнь мою навсегда, что готова пролить всю кровь свою, защищая пользы Государя, Котораго чту, какъ Бога, и что, имѣя такой образъ мыслей и репутацію храбраго офицера, я не заслуживаю быть угрожаема смертію... Я остановилась какъ отъ полноты чувствъ, такъ и отъ нѣкотораго замѣшательства: я замѣтила, что при словѣ «храбраго офицера» на лицѣ главнокомандующаго показалась легкая усмѣшка. Это заставило меня покраснѣть; я угадала мысль его и, чтобы оправдаться, рѣшилась сказать все.—Въ Прусскую кампанію, ваше высокопревосходительство, всѣ мои начальники такъ много и такъ единодушно хвалили смѣлость мою и даже самъ Буксгевденъ назвалъ ее безпримѣрною, что послѣ всего этого я считаю себя въ правѣ назваться храбрымъ, не опасаясь быть сочтенъ за самохвала.—Въ Прусскую кампанію! развѣ вы служили тогда? который вамъ годъ? Я полагалъ, что вы не старѣе шестнадцати лѣтъ». Я сказала, что мнѣ двадцать третій годъ и что въ Прусскую кампанію я служила въ Коннопольскомъ полку.—«Какъ ваша фамилія», спросилъ поспѣшно главнокомандующій.—Александровъ. Кутузовъ всталъ и обнялъ меня, говоря: какъ я радъ, что имѣю, наконецъ, удовольствіе узнать васъ лично! Я давно уже слышалъ объ васъ. Останьтесь у меня, если вамъ угодно; мнѣ очень пріятно будетъ доставить вамъ нѣкоторое отдохновеніе отъ тягости трудовъ военныхъ; что жъ касается до угрозы разстрѣлять васъ, прибавилъ Кутузовъ, усмѣхаясь, то вы напрасно приняли ее такъ близко къ сердцу; это были пустыя слова, сказанныя въ досадѣ. Теперь подите къ дежурному генералу Коновницыну и скажите ему, что вы у меня безсмѣннымъ ординарцемъ». Я пошла было, но онъ опять позвалъ меня: «вы хромаете? отчего

это?» Я сказала, что въ сраженіи подъ Бородинымъ получила контузію отъ ядра. «Контузію отъ ядра! и вы не лечитесь! сей-часъ скажите доктору, чтобы осмотрѣлъ вашу ногу». Я отвѣчала, что контузія была очень легкая и что нога моя почти не болитъ. Говоря это, я лгала: нога моя болѣла жестоко и была вся багровая».

Но ординарцемъ Надеждѣ Андреевнѣ пришлось быть не долго. Нога, на которую она сразу мало обратила вниманія, продолжала болѣть, явилась изнурительная лихорадка и ей пришлось взять отпускъ и ѣхать поправляться домой. Передъ отъѣздомъ Кутузовъ потребовалъ ее къ себѣ: «вотъ подорожная и деньги на прогоны», сказалъ онъ, подавая то и другое, «поѣзжай съ Богомъ. Если въ чемъ будешь имѣть надобность, пиши прямо ко мнѣ, я сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть. Прощай, другъ мой!» Великій полководецъ обнялъ меня съ отеческою нѣжностію.

Уланскаго Литовскаго полка поручикъ Александръ Андреевичъ Александровъ.

Ординарецъ Кутузова.

Изъ собр. портр. уланск. Литовскаго полка.

Въ отпуску Надежда Андреевна пробыла до весны, а затѣмъ вернулась обратно въ полкъ. Въ Москвѣ она узнала о смерти Кутузова и была очень огорчена этимъ извѣстіемъ, въ виду того, что главнокомандующій, во время ея пребыванія у него ординарцемъ, тепло относился къ ней и обѣщалъ ей и въ будущемъ свое покровительство.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ полкъ опять выступилъ въ походъ и двинулся въ Пруссію къ крѣпости Модлинъ, куда и прибылъ 10-го августа, а затѣмъ Дуровой съ частью полка пришлось побывать въ Прагѣ, подъ Гарбургомъ и, наконецъ, подъ Гамбургомъ. Извѣстіе о взятіи Парижа прекратило военныя дѣйствія, и Надежда Андреевна воспользовалась мирнымъ временемъ, чтобы съ однимъ изъ товарищей объѣхать Гольштинію, которая ей чрезвычайно нравилась. Затѣмъ войска пошли обратно въ Россію, и Литовскій уланскій полкъ былъ размѣщенъ въ мѣстечкѣ Яновичи— «грязнѣйшее изъ всѣхъ мѣстечекъ въ свѣтѣ», какъ его называетъ Дурова. Въ 1815 году опять ей пришлось идти за границу, но, простоявъ недолго въ Ковнѣ, полкъ возвращается въ Россію и располагается на квартирахъ въ Великихъ Лукахъ. Въ 1816 году Надежда Андреевна на двѣ недѣли командируется въ Петербургъ по дѣламъ полка въ Коммиссаріатъ. Эта командировка пришлась не по душѣ Дуровой, и она о ней вспоминаетъ съ большимъ неудовольствіемъ:

«Завтра отправляюсь въ полкъ; двѣ недѣли отпуска миновали, я провела ихъ скучно: съ утра до вечера въ мундирѣ, затянута, становясь во фронтъ, получая извѣщенія явиться туда, явиться сюда. Никогда болѣе не поѣду въ такой отпускъ».

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ Дурова являлась графу Аракчееву и вотъ ея личная характеристика графа:

«Говорятъ, что графъ очень суровъ; нѣтъ, мнѣ онъ показался ласковымъ и даже добродушнымъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и говорилъ, что ему очень пріятно узнать меня лично; обязательно припомнилъ мнѣ, что по письмамъ моимъ выполнилъ все безъ отлагательства и съ удовольствіемъ. Я отвѣчала, что обязанностію сочла придти къ нему повторить лично мою благодарность за милостивое вниманіе. Графъ простился со мною, увѣряя въ готовности своей дѣлать все, для меня угодное. Столько вѣжливости казалось мнѣ очень несовмѣстнымъ съ тѣмъ слухомъ, который носится вездѣ о его угрюмости, неприступности, какъ говорятъ другіе. Графъ, можетъ быть, только просто сердитъ иногда; въ чемъ нѣтъ еще большой бѣды».

Надежда Андреевна очень любила музыку, а потому пользовалась своимъ пребываніемъ въ столицѣ и старалась побывать вездѣ, гдѣ можно было послушать хорошую музыку. Въ одномъ концертѣ въ Филармоническомъ залѣ съ ней произошелъ инциндентъ, о которомъ она разсказываетъ:

«Дамы безпрестанно приходили, и ряды стульевъ все ближе подвигались къ намъ—ко мнѣ и моему сосѣду.—Посмотрите, какъ онѣ близко, сказала я, неужели мы отдадимъ имъ свое мѣсто.—Не думаю, отвѣчалъ онъ, усмѣхаясь, мѣсто наше для нихъ неудобно.—Вотъ еще рядъ прибавился. Еще одинъ, и онѣ будутъ у самыхъ колѣнъ нашихъ.—А развѣ это худо... Я замолчала и стала опять разсматривать нарядъ вновь пришедшихъ дамъ. Прямо противъ меня сидѣла одна въ розовомъ беретѣ и платьѣ, сухощавая, смуглая, но пріятная лицемъ и съ умною физіономіею; ей, казалось, было уже лѣтъ тридцать; подлѣ креселъ ея стоялъ генералъ Храповицкій. — Не жена ль это его? Я смотрѣла на нее, не сводя глазъ; въ наружности ея проявлялось что-то необыкновенное... Наконецъ, я оборотилась къ моему сосѣду: позвольте спросить, кто эта дама въ розовомъ, прямо противъ насъ.—Храповицкая, жена этого генерала, что стоитъ подлѣ ея креселъ.—Я что-то слышалъ... Сосѣдъ не далъ кончить: да, да такихъ героинь у насъ немного... Отзывъ этотъ укололъ мое самолюбіе.—Кажется, была одна... Меня опять прервали.—Да, была одна, но ужъ той нѣтъ, она умерла, не выдержала... Вотъ новость! много разъ случалось мнѣ слышать собственную свою исторію со всѣми прибавками и измѣненіями, часто нелѣпыми, но никогда еще не говорили мнѣ въ глаза, что я умерла! съ чего взяли это? Какъ могъ пронестись слухъ о смерти, когда я жива, лично извѣстна Царю... Впрочемъ, пусть думаютъ такъ, можетъ, это къ лучшему... Пока мысли эти пролетали въ головѣ моей, я смотрѣла на товарища, разумѣется не видя его; онъ тоже смотрѣлъ на меня и, казалось, читалъ мысль мою въ глазахъ:—вы не вѣрите? я слышалъ это отъ людей, которые доводились ей роднею... Я не отвѣчала. Могильный разговоръ этотъ испугалъ меня, и, сверхъ того, боялась, чтобъ онъ не замѣтилъ, какъ близко это относится ко мнѣ До окончанія концерта я не говорила съ нимъ ни слова».

По возвращеніи въ полкъ, Дурова взяла четырехмѣсячный отпускъ и поѣхала къ отцу. Во время этого отпуска ей наскучила жизнь въ Сарапулѣ и она довольно

долгое время прогостила на Ижевскомъ оружейномъ заводѣ, начальникъ котораго былъ генералъ Гренъ, большой пріятель ея отца. По окончаніи отпуска Дурова вернулась въ полкъ съ цѣлью окончательно распрощаться съ нимъ и выйти въ отставку. Мы выше уже приводили версію, сообщаемую Сушковымъ, по которой она ушла изъ полка, а именно, якобы она была обижена тѣмъ, что ей на голову прислали ротмистра; въ своихъ же запискахъ она говоритъ:

«Сегодня я уѣзжаю. [Батюшка, прощаясь со мною, сказалъ: «не пора ли оставить мечъ? я старъ: мнѣ нуженъ покой и замѣна въ хозяйствѣ; подумай объ этомъ». Я испугалась такого предложенія... Мнѣ казалось, что вовсе не надобно никогда оставлять меча, а особливо въ мои лѣта, что я буду дѣлать дома. Такъ рано осудить себя на монотонныя занятія хозяйства. Но отецъ хочетъ этого!.. Его старость!.. Ахъ! нечего дѣлать. Надобно сказать всему прости!.. и свѣтлому мечу, и доброму коню... друзьямъ!.. веселой жизни!.. ученію, парадамъ, конному строю!.. скачкѣ, рубкѣ... всему, всему конецъ!.. Все затихаетъ, какъ ни бывало, и одни только незабвенныя воспоминанія будутъ сопровождать меня на дикіе берега Камы; въ тѣ мѣста, гдѣ цвѣло дѣтство мое; гдѣ я обдумывала необыкновенный планъ свой!.

«Минувшее счастіе!... слава!.. опасности!.. шумъ!.. блескъ!.. жизнь, кипящая дѣятельностію!.. прощайте!»

Изъ справки, наведенной въ 1837 г. генераломъ Позеномъ, состоявшимъ при военномъ министрѣ графѣ Чернышевѣ, по поводу поднесенія Надеждой Андреевной экземпляра ея записокъ подъ заглавіемъ «Кавалеристъ-дѣвица» Императору Николаю I, мы узнаемъ, что она была уволена отъ службы по прошенію за болѣзнію, штабсъ-ротмистромъ, 9-го марта 1816 года и при увольненіи получила пособіе въ 2.000 руб. Указъ же объ отставкѣ вышелъ лишь 24-го апрѣля 1817 года. Въ этой же справкѣ, которую мы помѣщаемъ ниже полностью, сказано, что въ 1812 году Дурова получила еще разъ единовременное пособіе въ 1.000 руб., а съ 25-го января 1824 года стала получать ежегодную пенсію въ размѣрѣ 1.000 руб. въ годъ. Со времени ухода Надежды Андреевны со службы и вплоть до 1836 года, когда она вновь появляется въ Петербургѣ уже въ роли литератора сначала со своими «Записками», а затѣмъ и съ другими повѣстями и разсказами, мы не имѣемъ почти никакихъ достовѣрныхъ данныхъ о томъ, гдѣ и какъ она провела эти 20 лѣтъ. Изъ ея же книги «Годъ жизни въ Петербургѣ», изданной въ 1838 г., мы узнаемъ, что она, послѣ выхода въ отставку, прожила четыре года въ столицѣ и, повидимому, гдѣ-то въ Коломнѣ.

«Отправивъ записку [1]), я отправилась и сама взглянуть на тѣ мѣста, въ которыхъ жила четыре года.

«Сколько воспоминаній столпилось въ сердцѣ и умѣ моемъ при видѣ низенькаго угловатаго домика въ Коломнѣ... вотъ его зеленыя жалузи... вотъ садъ, густой, тѣнистый... деревья его и теперь, какъ прежде, видны черезъ заборъ... вотъ маленькая терраса...

«Это былъ когда-то домъ моего родственника, я жила въ немъ болѣе двухъ лѣтъ... какъ все здѣсь знакомо мнѣ! и знакомо не просто... вотъ здѣсь проѣзжала карета... стукъ колесъ ея я умѣла отличать отъ стука колесъ всѣхъ каретъ, сколько ихъ есть въ Петербургѣ!..

---

[1]) Пушкину.

«Пятнадцать лѣтъ исчезли... мнѣ казалось, что я по прежнему опять иду къ Аларчину мосту, оттуда къ Калинкину, къ Тріумфальнымъ воротамъ... на дачу... на дачу... смотрю на нее и не узнаю... кто-то живетъ здѣсь теперь... отчего вся эта сторона смотритъ какою-то фабрикою... О, пятнадцать лѣтъ. Оставили вы здѣсь слѣды свои!»

Если и вѣрно, что съ 1816 по 1820—21 годъ она жила въ Петербургѣ, то про остальные 15 лѣтъ мы знаемъ только, что она провела ихъ въ провинціи, по нѣкоторымъ даннымъ, сначала въ Елабугѣ, затѣмъ въ Сарапулѣ и потомъ снова въ Елабугѣ.

Мысль взяться за перо и привести въ порядокъ свой дневникъ была, повидимому, внушена Надеждѣ Андреевнѣ ея братомъ Василіемъ Андреевичемъ. Василій Андреевичъ былъ знакомъ лично съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ и, пользуясь этимъ знакомствомъ, обратился къ поэту, издававшему «Современникъ», съ предложеніемъ купить рукопись сестры или посодѣйствовать къ изданію ея записокъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ письма Василія Андреевича къ Пушкину, а помѣщаемъ отвѣтъ послѣдняго отъ 16-го іюня 1835 г.

«Милостивый Государь Василій Андреевичъ. Искренне обрадовался я, получа письмо ваше, напомнившее мнѣ старое любезное знакомство, и спѣшу вамъ отвѣчать. Если авторъ записокъ согласится поручить ихъ мнѣ, то съ охотою берусь хлопотать объ ихъ изданіи. Если думаетъ онъ ихъ продать въ рукописи, то пусть назначитъ самъ имъ цѣну. Если книгопродавцы не согласятся, то, вѣроятно, я ихъ куплю. За успѣхъ, кажется, можно ручаться. Судьба автора такъ любопытна, такъ извѣстна и такъ таинственна, что разрѣшеніе загадки должно произвести сильное общее впечатлѣніе. Что касается до слога, то чѣмъ онъ проще, тѣмъ будетъ лучше. Главное: истина, искренность. Предметъ самъ по себѣ такъ занимателенъ, что никакихъ украшеній не требуетъ. Они даже повредили бы ему. Поздравляю васъ съ новымъ образомъ жизни; жалѣю, что изъ ста тысячъ способовъ достать 10.000 рублей ни одинъ еще вами съ успѣхомъ, кажется, не употребленъ. Но деньги дѣло наживное. Были бы мы живы. Прощайте, съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть милостивый государь вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ».

Есть основаніе предполагать, что въ изданіи записокъ Надежды Андреевны какую-то роль игралъ Николай Родіоновичъ Мамышевъ, которому, какъ видно изъ 2-го письма Дуровой къ Пушкину, еще въ апрѣлѣ 1835 г. были посланы рукописи. 1-е письмо ея къ Пушкину написано въ августѣ того же 1835 г.

1-е письмо: «Не извиняюсь за простоту адреса, милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Титулы кажутся мнѣ смѣшны въ сравненіи съ славнымъ именемъ вашимъ. Чтобъ не занять напрасно ни времени, ни вниманія вашего, спѣшу сказать, что заставило меня писать къ вамъ. У меня есть нѣсколько листовъ моихъ записокъ; я желалъ бы продать ихъ и предпочтительно вамъ. Купите, Александръ Сергѣевичъ. Прекрасное перо ваше можетъ сдѣлать изъ нихъ что-нибудь весьма занимательное для вашихъ соотечественниковъ, тѣмъ болѣе, что происшествіе, давшее поводъ писать ихъ, было нѣкогда предметомъ любопытства и удивленія. Цѣну назначьте сами; я въ этомъ дѣлѣ ничего не разумѣю и считаю за лучшее ввѣриться вамъ самимъ, вашей честности и опытности. Много еще хотѣлъ бы я сказать о моихъ запискахъ, но думаю, что вамъ некогда читать длинныхъ писемъ.

И такъ утруждаю васъ только, что записки были писаны не для печати и что я, ввѣряясь уму вашему, отдаю вамъ ихъ, какъ онѣ есть, безъ перемѣнъ и безъ поправокъ. Преданный слуга вашъ Александровъ. Вятской губерніи, Елабуга. 5-го Августа 1835 года».

2-е письмо. «Не знаю, что мнѣ дѣлать, милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Еще въ Апрѣлѣ послана была рукопись моя въ трехъ тетрадяхъ къ Мамышеву въ Гатчино. Первыя двѣ онъ получилъ, но послѣдняя пропала: я въ правѣ такъ думать, потому что шестой мѣсяцъ, какъ Мамышевъ ничего не отвѣчаетъ мнѣ. При этой послѣдней тетради былъ и портретъ мой, писанный съ меня въ шестнадцати-лѣтнемъ возрастѣ и, разумѣется, въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ надобно было быть тогда. Я пишу Мамышеву, чтобъ онъ отослалъ къ вамъ мои записки; но если вы не получили еще ихъ, прошу меня увѣдомить: я тотчасъ пришлю вамъ подлинникъ ихъ. Примѣрное несчастье было бы, если бы и онъ пропалъ. Адресъ прошу дѣлать на собственное мое имя: Александрову въ Елабугѣ. Искренно почитающій васъ Александръ Александровъ. 30-го Сентября 1835 г.».

Здѣсь необходимо передать письмо Н. А. Дуровой къ Николаю Родіоновичу Мамышеву.

23-го Сентября 1835 года. Милостивый Государь Николай Родіоновичъ. Не получая отъ васъ 6-й мѣсяцъ никакого увѣдомленія о моей рукописи, посланной къ вамъ 7-го Апрѣля этого года, я нашелся вынужденнымъ справиться объ этомъ въ Гатчинской почтовой конторѣ. Не могу ни понять, ни придумать, гдѣ она и что съ ней сдѣлалось? У меня хочетъ купить ее Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Если рукопись у васъ, то сдѣлайте милость, отошлите къ нему въ Псковскую губернію, въ городъ Островъ, въ село Тригорское; онъ теперь тамъ и пробудетъ до Декабря. Прошу васъ покорнѣйше, Николай Родіоновичъ, отослать ему хоть первую мою рукопись, о которой вы писали мнѣ, что получили, если уже вторая пропала. Мнѣ хотѣлось бы кончить это дѣло скорѣе, потому что мнѣ до крайности нужны деньги. Преданный слуга вашъ Александровъ».

Примѣчаніе. На первой страницѣ письма, сбоку, рукою Н. Р. Мамышева сдѣлана замѣтка: «10-го Октября 1835 года отослана рукопись къ Пушкину».

3-е письмо: «Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Мамышевъ давно уже писалъ мнѣ, что отослалъ рукопись мою къ вамъ, и такъ позвольте мнѣ узнать ваше мнѣніе объ ней и то, угодно ли вамъ взять ее. Въ случаѣ, если она вамъ не надобна, прошу васъ покорно переслать ее ко мнѣ обратно. Преданный слуга вашъ Александръ Александровъ. 6-го генваря 1836 года. Елабуга».

«19-го Января 1836 года. Милостивый Государь Александръ Андреевичъ. По послѣднему письму вашему отъ 6-го Января чрезвычайно меня встревожило. Рукописи вашей я не получилъ, и вотъ какую подозрѣваю на то причину. Уѣхавъ въ деревню на три мѣсяца, я пробылъ въ ней только три недѣли и принужденъ былъ наскоро воротиться въ Петербургъ. Вѣроятно, ваша рукопись послана въ Псковъ. Сдѣлайте милость, не гнѣвайтесь на меня. Сейчасъ ѣду хлопотать; задержки постараюсь вознаградить. Я, было, совсѣмъ отчаявался получить записки, столь нетерпѣливо мною ожидаемыя. Слава Богу, что теперь попалъ на слѣдъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ усерднѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ».

4-е письмо. «Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Рукопись моя, вояжируя болѣе года, возвратилась, наконецъ, ко мнѣ. Я нѣсколько суевѣренъ, и такая неудача заставляетъ меня переждать козни злого рока. Лѣтомъ я пріѣду самъ съ моими записками, чтобы лично отдать ихъ подъ ваше покровительство; а теперь въ замѣну братъ посылаетъ вамъ мои «Записки 12-го года», если вы найдете ихъ стоющими труда, чтобъ поправить. Онѣ не были присоединены къ тѣмъ, которыя были присланы вамъ изъ Гатчины. Можетъ быть, я сужу пристрастно, можетъ быть, я увлекаюсь воспоминаніями; но «Записки 12-го года» мнѣ кажутся интереснѣе первыхъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою Александръ Александровъ. 17-го Февраля 1836 г.».

Хотя мысль использовать дневникъ Дуровой-Александрова и принадлежитъ Василію Андреевичу, и онъ же первый написалъ объ этомъ Пушкину, тѣмъ не менѣе, Надежда Андреевна во второмъ же письмѣ своемъ къ поэту проситъ «писать ей лично обо всемъ, касающемся ея литературной работы». Получается впечатлѣніе, что Дурова, несмотря на свою искреннюю привязанность къ брату, все же не желаетъ поручать ему вести это дѣло, зная его, какъ безалабернаго человѣка и великаго фантазера. Эту черту его характера, очевидно, зналъ и Пушкинъ, вспоминающій о его планахъ и несбыточныхъ фантазіяхъ въ своемъ письмѣ отъ 16-го іюня.

Но, въ концѣ концовъ, Василій Андреевичъ пересылаетъ все же Александру Сергѣевичу тотъ отрывокъ записокъ, который былъ помѣщенъ въ «Современникѣ».

«СПБ. 17-го Марта 1836 года. Милостивый Государь, Василій Андреевичъ. Очень благодарю васъ за присылку записокъ и за довѣренность, вами мнѣ оказанную. Вотъ мои предложенія: 1) Я издаю журналъ; во второй книжкѣ онаго (т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ) напечатаю я записки о 12 годѣ (всѣ или часть ихъ) и тотчасъ перешлю вамъ деньги по 200 рублей за листъ напечатанный. 2) Дождавшись другихъ записокъ брата вашего, я думаю соединить съ ними и записки о 12 годѣ; такимъ образомъ, книжка будетъ толще и слѣдственно, дороже. Полныя записки вѣроятно, пойдутъ успѣшно послѣ того, какъ я о нихъ протрублю въ своемъ журналѣ. Я готовъ ихъ и купить и напечатать въ пользу автора, какъ ему будетъ угодно и выгоднѣе. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что приложу всевозможное стараніе объ успѣхѣ общаго дѣла. Братецъ вашъ пишетъ, что лѣтомъ будетъ въ Петербургѣ. Ожидаю его съ нетерпѣніемъ. Прощайте, будьте счастливы и дай Богъ вамъ разбогатѣть съ легкой ручки Александрова, которую ручку прошу за меня поцѣловать. Весь вашъ Александръ Пушкинъ. Сейчасъ прочелъ переписанныя записки: прелесть! живо, оригинально, слогъ прекрасный. Успѣхъ несомнителенъ. 27-го марта».

Повидимому, Надежда Андреевна послала Мамышеву не полную рукопись и почему-то эта рукопись вернулась къ ней въ февралѣ 1836 г., когда была выслана Пушкину тетрадь, относящаяся къ 1812 году, т. е. именно тотъ отрывокъ, который и появился въ «Современникѣ». Во всякомъ случаѣ «Записки 12-го года» появились въ «Современникѣ» въ томъ же 1836 г. подъ заглавіемъ «Записки Н. А. Дуровой» со слѣдующимъ предисловіемъ Александра Сергѣевича:

«Mado vir, modo femina. Ov. Въ 1806 г. молодой мальчикъ по имени Александровъ вступилъ рядовымъ въ Конно-Польскій уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій Георгіевскій крестъ и въ томъ же году произведенъ

былъ въ офицеры въ Маріупольскій гусарскій полкъ. Впослѣдствіи перешелъ онъ въ Литовскій уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

«Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однако-жъ, это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное

Изъ собр. гравюръ уланскаго Литовскаго полка.

впечатлѣніе отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

«Какія причины заставили молодую дѣвушку, хорошей дворянской фамиліи, оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на поле сраженій—и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя, семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная неукротимая склонность? Любовь?.. Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

«Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признаніе женщины, столь необыкновенное; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы «Современника» отрывками изъ журнала,

веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностью спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ». Изд.

Самъ Пушкинъ въ двухъ своихъ письмахъ выражаетъ живой интересъ къ судьбѣ «Записокъ» и къ ихъ автору. Въ письмѣ къ женѣ 11-го мая 1836 г. онъ пишетъ:

«Что Записки Дуровой? Пропущены ли цензурою? Онѣ мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ»... и въ письмѣ къ Надеждѣ Андреевнѣ того же года пишетъ: «Вотъ начало вашихъ записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое искреннее и безкорыстное—оставить, какъ есть. Записки Амазонки, какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаютъ нѣмецкіе романы. «Записки Н. А. Дуровой» просто, искренно и благородно. Будьте смѣлы, вступайте на поприщѣ литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся. Весь вашъ—А. П.

Домъ мой къ вашимъ услугамъ. На Дворцовой набережной, домъ Батишева, у Прачешнаго мосту».

Послѣ появленія отрывка записокъ въ «Современникѣ», Дурова хлопотала о томъ, чтобы Пушкинъ принялъ на себя издательство всѣхъ ея записокъ полностію, но почему-то ей это не удалось, и издалъ эти «Записки» уже ея двоюродный братъ Иванъ Григорьевичъ Бутовскій, по ея личной просьбѣ.

Весной 1836 года Надежда Андреевна пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ она прожила годъ и нѣсколько разъ лично видѣлась съ Пушкинымъ и вела съ нимъ переписку по поводу издательства ея «Записокъ».

«Видѣться намъ, какъ замѣчаю, очень затруднительно: я не имѣю средствъ, вы времени. И такъ будемъ писать, это все равно: тотъ же разговоръ. Своеручныя записки мои прошу васъ возвратить мнѣ теперь же, если можно; у меня перепишутъ ихъ въ четыре дня и переписанныя отдамъ въ полную вашу волю, въ разсужденіи перемѣнъ, которыя прошу васъ дѣлать, не спрашивая моего согласія; потому, что я только это имѣлъ въ виду, чтобъ отдать ихъ на судъ и подъ покровительство таланту, которому не знаю равнаго, а безъ этого неодолимаго желанія привлечь на свои записки сіяніе вашего имени, я давно бы нашелъ людей, которые купили бы ихъ или напечатали въ мою пользу. Вы очень обязательно пишите, что ожидаете моихъ приказаній. Вотъ моя покорнѣйшая просьба, первая, послѣдняя и единственная: дѣйствуйте безъ отлагательства. Что удерживаетъ васъ показать мои Записки Государю, какъ онѣ есть? Онъ вашъ цензоръ. Вы скажете, что его дома нѣтъ, онъ на маневрахъ [1]). Поѣзжайте туда, тамъ онъ, вѣрно въ хорошемъ расположеніи духа, и записки мои его не разсердятъ. Дѣйствуйте или дайте мнѣ волю дѣйствовать; я не имѣю времени ждать. Полумѣры никуда не годятся [2]). Нерѣшительность хуже полумѣръ; медленность хуже того и другого вмѣстѣ. Это червь, подтачивающій корни прекраснѣйшихъ растеній и отнимающій у нихъ возможность принесть плодъ. У васъ есть враги; для чего же вы даете имъ время помѣшать вашему дѣлу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишить меня ожи-

[1]) Въ это время были большіе кавалерійскіе маневры подъ Елисаветградомъ, на которыхъ присутствовалъ Императоръ Николай I.

[2]) Повтореніе—фраза, взятая Н. А. изъ письма А. С. къ ней.

даемыхъ выгодъ? Думалъ ли я когда-нибудь, что буду говорить такую проповѣдь величайшему генію нашего времени, привыкшему принимать одну только дань хвалы и удивленія? Видно, время чудесъ опять настало, Александръ Сергѣевичъ! Но какъ я уже началъ писать въ этомъ тонѣ, такъ хочу и кончить. Вы и другъ вашъ Плетневъ сказали мнѣ, что книгопродавцы задерживаютъ вырученныя деньги. Этого я болѣе всего на свѣтѣ не люблю; это будетъ меня сердить и портить мою кровь. Чтобъ избѣжать такого несчастья, я рѣшительно отказываюсь отъ нихъ. Нельзя ли и печатать, и продавать въ Императорской типографіи. Тамъ, я думаю, не задержатъ моихъ денегъ. Мнѣ такъ наскучила бездѣйственная жизнь и безполезное ожиданіе, что я только до 1-го Іюля обѣщаю вамъ терпѣніе; но съ 1-го пришлете или не пришлете мнѣ мои записки, дѣйствую самъ. Александръ Сергѣевичъ! Если въ этомъ письмѣ найдутся выраженія, которыя вамъ не понравятся, вспомните, что я родился, выросъ и возмужалъ въ легерѣ. Другого извиненія не имѣю. Простите, жду отвѣта и рукописи. Вамъ преданный Александровъ. 24-го Іюня 1836 года».

«Пришлите мнѣ мои листочки, Александръ Сергѣевичъ! Ихъ надобно сжечь, такъ я желалъ бы имѣть это удовольствіе поскорѣе. Я видѣлся съ княземъ Дундуковымъ, но рукописи ему еще не отдалъ. Имъ обоимъ я думаю не до того: у Петра Александровича [1]) жена при смерти. Позволите ли вы мнѣ помѣстить проданный вамъ отрывокъ во вторую часть? Вашъ покорный слуга Александровъ. 31-го Іюля 1836 года».

Записки были изданы И. Г. Бутовскимъ подъ заглавіемъ «Кавалеристъ-Дѣвица», Происшествіе въ Россіи. Это заглавіе почему-то замѣнило первоначальное, предложенное Надеждой Андреевной, «Записки-Амазонки», не принятое Пушкинымъ и замѣненное имъ «Записки Н. А. Дуровой». Когда эти Записки были изданы, Надежда Андреевна еще разъ пишетъ Пушкину:

«Милостивый Государь Александръ Сергѣевичъ. Имѣю честь представить вамъ вторую часть моихъ записокъ. Извините, что не самъ лично вручаю вамъ ихъ; но я давно уже очень боленъ и боленъ жестоко. Дѣла мои приняли оборотъ самый дурной. Я было, надѣялся на милость Царскую потому, что ему представили мою книгу; но, кажется, понадѣялся напрасно: врядъ ли скажутъ мнѣ и спасибо, не только чтобъ сдѣлать какую существенную пользу.

«Простите, будьте счастливы. Преданнѣйшій слуга вашъ Александръ Александровъ [2]). 22-го Декабря 1836 года».

Повидимому, матеріальное положеніе Надежды Андреевны къ концу 1836 г. было очень критическое. Она сама въ своей книгѣ «Годъ жизни въ Петербургѣ» пишетъ, что на поѣздку изъ Елабуги въ Петербургъ собрала послѣднія и свои, и сестрины крохи и въ столицу прибыла чуть не съ нѣсколькими рублями, надѣясь поправить свои денежныя обстоятельства, выпустивъ въ свѣтъ «Записки». Мы не знаемъ, сколько именно она получила за отрывокъ, помѣщенный въ «Современникѣ», не знаемъ, почему она выбрала Бутовскаго издателемъ «Записокъ». Извѣстно лишь одно, что въ началѣ предполагалось, что этимъ займется А. С. Пушкинъ. Затѣмъ, какъ видно изъ писемъ Н. А. и изъ ея книги «Годъ жизни въ Петер-

[1]) Плетневъ.

[2]) Подлинники всѣхъ семи писемъ Н. А. къ А. С. хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

бургѣ», что съ печатаніемъ «Записокъ» у Пушкина (и Плетнева), что-то не ладилось. Надежда Андреевна, нуждавшаяся въ деньгахъ, изнервничавшаяся ожиданіемъ, вытребовала рукопись у Александра Сергѣевича обратно и попросила заняться издательствомъ своего двоюроднаго брата—Бутовскаго, хотя затѣмъ въ томъ же «Годъ жизни въ Петербургѣ» горько сожалѣетъ о томъ, что не оставила свои Записки у Пушкина.

«15-го Іюля. Сегодня опять былъ у меня Александръ Сергѣевичъ; онъ привезъ съ собою мою рукопись, переписанную такъ, чтобы ее можно было читать: я имѣю даръ писать такимъ почеркомъ, котораго часто не разбираю сама, и ставлю запятыя, точки и запятыя вовсе не кстати, а къ довершенію всего у меня вездѣ одно «е».

Отдавая мнѣ рукопись, Пушкинъ имѣлъ очень озабоченный видъ; я спросила о причинѣ: «Ахъ, у меня такая пропасть дѣлъ, что голова идетъ кругомъ... позвольте мнѣ оставить васъ; я долженъ быть еще въ двадцати мѣстахъ до обѣда». Онъ уѣхалъ.

«Двѣ недѣли Александръ Сергѣевичъ не былъ у меня; рукопись моя лежитъ... пора бы пустить ее въ дѣло... я поѣхала сама на дачу къ Пушкину; его нѣтъ дома.

«Вы напрасно хотите обременить Пушкина изданіемъ вашихъ записокъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ его искреннихъ друзей [1]) и именно тотъ, съ которымъ я вмѣстѣ обѣдала; разумѣется, онъ столько вѣжливъ, что возьмется за эти хлопоты, и возьмется очень радушно, но повѣрьте, что это для него будетъ величайшимъ затрудненіемъ; онъ съ своими собственными дѣлами не успѣваетъ управиться, такое ихъ множество, гдѣ же ему набирать дѣлъ еще и отъ другихъ... если вамъ изданіе вашихъ записокъ къ спѣху, то займитесь ими сами или поручите кому другому.

«Мнѣ казалось, что Александръ Сергѣевичъ былъ очень доволенъ, когда я сказала, что боюсь слишкомъ обременять его, поручая ему изданіе моихъ записокъ, и что прошу его позволить мнѣ передать этотъ трудъ моему родственнику. Вѣжливый поэтъ сохранилъ, однако-жъ, обычную форму въ такихъ случаяхъ. Онъ отвѣчалъ, что брался за это дѣло очень охотно, вовсе не считая его обремененіемъ для себя; но, если я хочу сдѣлать эту честь кому другому, то онъ не смѣетъ противиться моей волѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, прошу васъ покорнѣйше во всемъ, въ чемъ будете имѣть надобность въ отношеніи къ изданію вашихъ записокъ, употреблять меня, какъ одного изъ преданнѣйшихъ вамъ людей.

«Такъ-то имѣла я глупость лишить свои Записки блистательнѣйшаго ихъ украшенія... ихъ высшей славы—имени безсмертнаго поэта. Послѣдняя ли уже эта глупость... Должно быть, послѣдняя, потому что она уже самая крупная».

По выходѣ изъ печати «Кавалеристъ-Дѣвица», Надежда Андреевна поднесла экземпляръ, при Всеподданнѣйшемъ письмѣ, Государю Императору Николаю I и одновременно второй экземпляръ своихъ Записокъ Дурова поднесла Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Всеподданнѣйшее письмо и книги Надежда Андреевна вручила военному министру генералъ-адъютанту графу Чернышеву, 20-го декабря 1836 года это письмо представлено было Императору Николаю I графомъ Чернышевымъ.

---

[1]) Петръ Александровичъ Плетневъ.

8 Декабря 1836 г.

Всемилостивѣйшій Государь.

Принимаю смѣлость повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества записки, драгоцѣнныя для меня по воспоминанію милостей Блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича.

Воззрите милостиво, Ваше Императорское Величество, на необыкновенный случай, удостоенный Высокаго покровительства Его.

Всемилостивѣйшій Государь
Вашего Императорскаго Величества,
всеподданнѣйшій
Александръ Александровъ,

8 Декабря 1836 г.

Отставный штабсъ-ротмистръ.

Доложено Министромъ Государю Императору 20 Декабря. Книгу Его Величество изволилъ оставить у себя.

Находившаяся въ военной службѣ, во время войнъ нашихъ съ французами, дѣвица Дурова, издавъ нынѣ свои записки, проситъ меня повергнуть экземпляръ сихъ записокъ, при всеподданнѣйшемъ письмѣ ея, на Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе.

Дѣвица Дурова, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ родительскій домъ, вступила, подъ именемъ Александра Дурова [1]), вольноопредѣляющимся въ Конноподьскій уланскій полкъ. Она участвовала въ войнѣ 1807 года и подъ Гутштатомъ спасла жизнь поручику Финляндскаго Драгунскаго полка Панину, смѣло напавъ на непріятельскихъ драгунъ, окружившихъ сего офицера. Всѣ труды и опасности войны Дурова раздѣляла наравнѣ съ своими товарищами.

Съ окончаніемъ кампаніи 1807 года, блаженныя памяти Государю Императору Александру I-му благоугодно было призвать Дурову въ С.-Петербургъ. Его Величество въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ изволилъ поздравить Дурову съ производствомъ въ офицеры, дозволилъ ей называться, по имени Его Величества, *Александровымъ*, вручилъ ей собственноручно Георгіевскій крестъ за спасеніе Панина, и пожаловалъ денежное пособіе, назначивъ ее въ Маріупольскій Гусарскій полкъ.

Въ 1812-мъ году Дурова находилась еще на службѣ, въ сраженіи подъ Бородинымъ получила контузію и, пробывъ нѣкоторое время въ своемъ семействѣ, въ 1813 году возвратилась на службу и продолжала оную до 1817 года, въ которомъ уволена отъ службы съ чиномъ штабсъ-ротмистра.

Нынѣ, вспоминая необыкновенныя происшествія своей жизни, но еще болѣе проникнутая чувствомъ благодарности къ милостямъ Императора Александра I-го, Дурова издала свои записки подъ заглавіемъ: «*Дѣвица-Кавалеристъ*».

Экземпляръ сихъ записокъ и всеподданнѣйшее письмо ея имѣю счастіе у сего всеподданнѣйше представить.

Дежурный Генералъ-Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Его Превосходительству Михаилу Павловичу, имѣетъ честь препроводить у сего, впослѣдствіе записки отъ 17 Декабря за № 10310, справку объ отставномъ Штабсъ-Ротмистрѣ *Александровѣ*.

Генералъ-Адъютантъ Клейнмихель.

---

[1]) Поступила подъ фамиліей Соколова, а не Дурова. Императору Николаю I доложено было неправильно, очевидно, не разысканы были въ архивахъ документы о службѣ Н. А. въ Конноподьскомъ полку.

№ 153.
11 Генваря 1837 года.
Его Пре-ву
М. П. Позену [1]).

СПРАВКА.

а) О службѣ.

Штабсъ-Ротмистръ *Александровъ* изъ дворянъ Вятской губерніи, въ которой, за отцомъ его, состоитъ мужеска пола 150 душъ крестьянъ опредѣленъ въ службу.

Изъ состоящихъ по арміи корнетовъ [2]).	808 Генваря 6.	Въ Маріупольскій гусарскій полкъ.
Переведенъ	811 Апрѣля 1.	Въ Литовскій уланскій полкъ.
На вакансію произведенъ въ поручики	812 Іюня 5.	
По прошенію, уволенъ отъ службы, за болѣзнію Штабсъ-Ротмистромъ	816 Марта 9.	

Находился въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ противъ французскихъ войскъ: *въ 1807 году*: въ Пруссіи подъ М. Гутштатомъ, при преслѣдованіи непріятеля до рѣки Посаржи, подъ Гильсбергомъ, гдѣ за отличіе награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. *Въ 1812 году* въ Россійскихъ предѣлахъ въ разныхъ сраженіяхъ: Іюня 27 подъ М. Миромъ, Іюля 2 подъ М. Романовымъ, 16 и 17 подъ деревнею Дашковкою, Августа 4 и 5 подъ городомъ Смоленскомъ, 15 при деревнѣ Лушкахъ, 20 подъ городомъ Гжатскомъ, 23 подъ Колоцкимъ Монастыремъ, 24 при селѣ Бородинѣ, гдѣ получилъ *отъ ядра контузію въ ногу* и отправленъ былъ для излеченія, потомъ прибылъ съ резервнымъ эскадрономъ, и, въ 1813 году въ Герцогствѣ Варшавскомъ, при блокадѣ крѣпости Модлина, Августа съ 10 по 20 Октября, также при блокадѣ городовъ Гамбурга и Гарбурга.

Былъ въ отпускахъ: съ 5 Ноября 1808 года на два мѣсяца, съ 19 Декабря 1810 и по 15 Марта 1811 и съ 9 по 15 Марта 1812 года.

Въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ.

Къ повышенію аттестовался достойнымъ. Отъ роду ему до увольненія отъ службы было *24 года*.

б) О вспомоществованіяхъ.

Штабсъ ротмистру Александрову Всемилостивѣйше пожаловано вспомоществованіе:

Въ Генварѣ 1808 года на обмундировку и на проѣздъ къ Маріупольскому Гусарскому полку	1.050	руб. —	коп.
15 Марта того же года	500	» —	»
6 Іюня 1809 года	300	» —	»
19 Декабря 1810 года	500	» —	»
4 Марта 1811 года	500	» —	»
27 Марта того же года на проѣздъ до Литовскаго уланскаго полка	300	» —	»
Сверхъ того, тогда же дано сукна и вещей, принадлежащихъ къ мундиру на	178	» 12½	»
30 Марта 1815 года	500	» —	»
Въ 1816 году при увольненіи отъ службы	2.000	» —	»
26 Іюля 1821 года, вслѣдствіе просьбы его о назначеніи ему, по бѣдному состоянію, отъ казны содержанія, единовременно	1.000	» —	»
Итого . . .	6.828	руб. 12½	коп.

[1]) Генералъ Позенъ состоялъ при военномъ министрѣ.

[2]) О времени производства его въ корнеты и назначеніи состоять по арміи, также о службѣ до этого назначенія никакихъ свѣдѣній въ архивѣ Инспекторскаго Департамента не оказалось.

в) О пенсіонѣ.

По именному Высочайшему указу, въ 25 день Генваря 1824 года данному, Всемилостивѣйше повелѣно производить Штабсъ-Ротмистру Александрову въ пенсіонъ по смерть по 1.000 руб. въ годъ.

г) О просьбахъ

Штабсъ-Ротмистръ Александровъ просилъ: I, Въ Декабрѣ 1816 года объ опредѣленіи его вновь на службу.

и 2, Въ мартѣ 1824 года о выдачѣ пожалованнаго ему пенсіона со дня увольненія отъ службы.

На обѣ эти просьбы Высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

Начальникъ Отдѣленія Н.
Столоначальникъ Кишевскій.

Памятная записка.

Высочайше повелѣно дать дѣвицѣ Дуровой подарокъ *въ тысячу рублей*—12 Генваря 1837.

Подписалъ
Графъ А. Чернышевъ.

О представленномъ Государю Императору и оставленномъ Его Величествомъ, для прочтенія, экземпляръ записокъ дѣвицы Дуровой, подъ заглавіемъ *«Дѣвица-Кавалеристъ»*.

Какъ только было Высочайше повелѣно дать подарокъ Н. А., графъ Чернышевъ не замедлилъ сообщить объ этомъ министру Императорскаго Двора князю Волконскому.

Его Императорскаго
Величества
Военно-походная
Канцелярія.
Въ С.-Петербургѣ.
13 Генваря 1837 года.
№ 10.

Господину Министру Императорскаго Двора.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать дѣвицѣ Дуровой подарокъ *въ тысячу рублей* за поднесенный Его Величеству экземпляръ ея записокъ подъ заглавіемъ *Дѣвица-Кавалеристъ*.

О таковой Высочайшей волѣ увѣдомляя Вашу Свѣтлость, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, приказать доставить ко мнѣ означенный подарокъ, для отправленія по принадлежности.

Военный Министръ, Генералъ-Адъютантъ
Графъ Чернышевъ.

Графъ Чернышевъ, получивъ два одинаковыхъ экземпляра «Записокъ» Надежды Андреевны, второй представилъ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ черезъ Управляющаго Собственной Его Величества Канцеляріей И. П. Шамбо, при слѣдующемъ оффиціальномъ письмѣ.

Его Императорскаго
Величества
Военно-походная
Канцелярія
Въ С.-Петербургѣ.
22 Декабря 1836 г.
№ 498.
Его Пре-ву
И. П. Шамбо.

Милостивый Государь
Иванъ Павловичъ.

Находившаяся въ военной службѣ, во время войнъ съ французами, дѣвица Дурова, издавъ нынѣ записки, проситъ меня повергнуть два экземпляра сихъ записокъ на Всемилостивѣйшее Ихъ Императорскихъ Величествъ воззрѣніе.

Дѣвица Дурова въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ родительскій домъ, вступила, подъ именемъ Александра Дурова, вольноопредѣляющимся въ Коннопольскій уланскій полкъ.

Она участвовала въ войнѣ 1807 года и подъ Гутштатомъ спасла жизнь поручику Финляндскаго Драгунскаго полка Панину. Съ окончаніемъ кампаніи 1807 года блаженныя памяти Государю Императору Александру I благоугодно было призвать Дурову въ С.-Петербургъ. Его Величество въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ изволилъ поздравить Дурову съ производствомъ въ офицеры; дозволилъ ей называться по Имени Его Величества Александровымъ, вручилъ ей собственноручно Георгіевскій крестъ за спасеніе Панина и пожаловалъ денежное пособіе, назначивъ ее въ Маріупольскій Гусарскій полкъ.

Въ 1812 году Дурова находилась еще на службѣ и была уже въ Литовскомъ Уланскомъ полку; въ сраженіи подъ Бородинымъ получила контузію и продолжала службу до 1817 года, въ которомъ уволена отъ службы съ чиномъ Штабсъ-Ротмистра.

Нынѣ, вспоминая необыкновенныя происшествія своей жизни, но еще болѣе проникнутая чувствомъ благодарности къ милостямъ Императора Александра I, Дурова издала свои записки подъ заглавіемъ «Дѣвица-Кавалеристъ».

Одинъ экземпляръ сихъ записокъ я имѣлъ счастіе представить Государю Императору; другой же имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству для представленія Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ

Съ совершеннымъ почтеніемъ
и преданностью имѣю честь быть
Вашего Превосходительства
Графъ А. Чернышевъ.

Изъ послѣдняго приведеннаго нами письма Дуровой къ Пушкину, Надежда Андреевна къ концу 1836 года сильно упала духомъ и уже перестала надѣяться на благопріятный результатъ поднесенія экземпляровъ «Кавалеристъ-Дѣвица» Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. Ея матеріальное положеніе было въ это время крайне критическое, и, когда она узнала отъ графа Чернышева о пожалованіи ей подарка въ 1.000 руб., немедленно подала прошеніе въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества о замѣнѣ подарка денежнымъ пособіемъ, объяснивъ въ прошеніи свое крайне стѣсненное матеріальное положеніе. Замѣна послѣдовала, и министръ Императорскаго Двора князь Волконскій увѣдомилъ объ этомъ военнаго министра.

Кабинетъ
Его Императорскаго
Величества.
Отдѣленіе 2.
Столъ 1.
Въ С.-Петербургѣ.
28 Генваря 1837 г.
№ 396.
Увѣдомленіе на № 10.

Господину Военному Министру.

На отношеніе Вашего Сіятельства отъ 13 ч. сего Генваря, имѣю честь Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, что, вмѣсто подарка, Всемилостивѣйше пожалованнаго дѣвицѣ Дуровой, по прошенію ея, выдано изъ Кабинета Его Величества деньгами по положенію.

Министръ Императорскаго Двора Князь Волконскій.

Вице-Президентъ,
Гофмейстеръ Князь Гагаринъ [1].

---

[1]) Архивъ канцеляріи военнаго министра—по описи № 2 Его Императорскаго Величества военно-походная канцелярія № 63/а О поднесеніи Ихъ Императорскимъ Величествамъ двухъ экземпляровъ записокъ Штабсъ-Ротмистра Александрова подъ названіемъ «Дѣвица-Кавалеристъ».

Вскорѣ послѣ этого Надеждѣ Андреевнѣ удалось продать свои записки «Кавалеристъ-Дѣвица» книготорговцу Смирдину за шесть тысячъ рублей, и она, получивъ деньги, уѣхала обратно въ Елабугу.

Судя по дневнику профессора Снѣгирева, Надежда Андреевна въ апрѣлѣ, іюнѣ и іюлѣ 1837 года была въ Москвѣ. Она привозила ему свои записки и повѣсти. Ѣздила ли она въ Москву изъ Петербурга или остановилась тамъ, возвращаясь домой, не удалось выяснить.

Пребываніе въ Петербургѣ, повидимому, оставило по себѣ довольно непріятное воспоминаніе у Дуровой. Помимо хлопотъ и безпокойства по изданію и продажѣ книгъ, помимо постоянныхъ матеріальныхъ невзгодъ и смерти ея нѣжнолюбимой собаки «Амура», которую она привезла съ собой изъ Елабуги, оказанный ей и старыми, и новыми знакомыми пріемъ въ столицѣ очень разочаровалъ ее. Она крайне своеобразно охарактеризировала въ предисловіи своей книги «Годъ жизни въ Петербургѣ» пріемъ, оказанный ей въ свѣтскихъ салонахъ столицы.

«Слово «невыгоды» еще очень недостаточно, очень милостиво въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, котораго причиною бываетъ третіе посѣщеніе.

Камень преткновенія для всѣхъ дѣйствій... источникъ неудачъ... первый шагъ къ разочарованію... начало порчи всякаго дѣла. Третіе посѣщеніе.

Предпринимаю описать его послѣдствія, въ предостереженіе людямъ, не имѣющимъ на вниманіе общества другихъ правъ, какъ только какую нибудь необыкновенность въ жизни своей; и хотя бы это было что-нибудь очень интересное, блистательное, великое даже, но если оно только одно изъ нихъ, а все прочее нисколько не отвѣчаетъ этому яркому лучу, то пусть они прочтутъ «Годъ жизни моей въ Петербургѣ» и обезпечатъ себѣ успѣхъ въ дѣлахъ, доброе расположеніе знакомыхъ, радушный пріемъ, вѣжливое вниманіе и собственный миръ души тѣмъ, что никогда, ни въ какой домъ не пойдутъ въ третій разъ».

Дѣло въ томъ, что, благодаря знакомству съ Пушкинымъ и съ нѣкоторыми другими людьми, игравшими извѣстную роль въ обществѣ 1836 года, Дурова, появившаяся вновь въ столицѣ послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія, да еще въ роли автора «Записокъ», обратила на себя вниманіе «Свѣта», и всѣ старались заполучить эту диковинку «дѣвицу-кавалериста» въ свои салоны и угостить этимъ феноменомъ своихъ гостей, приглашенныхъ на блестящій вечеръ. Первый разъ Дурову встрѣчали съ распростертыми руками и чествовали, но затѣмъ интересъ ослабѣвалъ, и такъ какъ приглашали ее только, какъ новинку и приманку для праздныхъ посѣтителей, то уже со второго раза пріемъ былъ болѣе равнодушный, а въ третій разъ ее и совсѣмъ перестали замѣчать.

Конечно, къ давнишнимъ старымъ знакомымъ, которыхъ Н. А. называетъ «искренніе друзья», всегда радушно встрѣчавшимъ Надежду Андреевну, это не относилось, и она сохранила о нихъ самое хорошее воспоминаніе. Въ любезности же такъ называемаго «Свѣта» скоро разобралась и къ концу года уже не принимала приглашеній и съ радостью покинула столицу. По возвращеніи домой, Надежда Андреевна продолжала свои литературные труды и съ 1838 по 1840 годъ написала и издала, кромѣ «Годъ жизни въ Петербургѣ» или «Невыгоды третьяго посѣщенія», еще цѣлый рядъ повѣстей и разсказовъ, а именно: «Елена Т-ская красавица», «Графъ Маврицкій», «Гудишки», «Сѣрный ключъ», «Павильонъ», «Кладъ», «Ярчукъ», «Уголъ». Между прочимъ, есть одно указаніе, что въ 1840 году

Надежда Андреевна еще разъ не надолго пріѣзжала въ Петербургъ для изданія трехъ послѣднихъ повѣстей. По крайней мѣрѣ, Т. П. Пассекъ въ своихъ «Запискахъ» этого года пишетъ, что видѣлась съ Дуровой и что она «роста средняго, съ женскимъ добродушнымъ, кругловатымъ лицомъ, одѣвалась въ сюртукъ съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ».

Литературные труды Дуровой въ свое время обратили на себя вниманіе критиковъ и современныхъ ей литераторовъ. Пушкинъ, помимо своего предисловія къ печатаемому въ «Современникѣ» отрывку «Записокъ», который мы приводили выше, такъ привѣтствовалъ въ томъ же «Современникѣ» выходъ перваго тома «Кавалеристъ-Дѣвица».

«Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили, безъ сомнѣнія, прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ».

Бѣлинскій по поводу тѣхъ же «Записокъ» пишетъ:

«Кажется, самъ Пушкинъ отдалъ ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этою живописною увлекательностью своего разсказа, всегда полнаго проникнутаго какою-то скрытою мыслею».

Толстые журналы конца тридцатыхъ годовъ открыли двери Дуровой, и ея повѣсти печатаются въ «Библіотекѣ для чтенія», въ «Отечественныхъ запискахъ». Смирдинъ пригласилъ ее участвовать въ издаваемомъ имъ журналѣ «Сто русскихъ литераторовъ». Въ I-мъ томѣ этого журнала помѣщенъ ея портретъ и повѣсть «Сѣрный ключъ». Несмотря на это, послѣ 1840 года Надежда Андреевна больше ничего не пишетъ и живетъ безвыѣздно въ Елабугѣ до самой своей смерти. Причинъ, побудившихъ ее прекратить литературную дѣятельность, мы не знаемъ. Разочаровалась ли она, въ виду малой доходности этой работы, изсякли ли матеріалы, данные ей ея прежней разнообразной жизнью, скромная же будничная обстановка провинціальной жизни, повидимому, не давала новыхъ темъ. Во всякомъ случаѣ, на вопросъ, какъ-то предложенный ей, почему она ничего не пишетъ, она отвѣтила: «оттого, что мнѣ теперь не написать такъ, какъ я писала прежде, а съ чѣмъ нибудь явиться въ свѣтъ не хочется».

Въ провинціи, какъ мы уже раньше говорили, Надежда Андреевна нѣсколько разъ мѣняла свое мѣсто жительства. Нѣкоторое время она провела въ Елабугѣ, гдѣ ея братъ Василій Андреевичъ былъ городничимъ, затѣмъ переѣхала съ нимъ въ Сарапуль. А затѣмъ, послѣ смерти Василія Андреевича въ Кунгурѣ, гдѣ онъ тоже былъ городничимъ, Дурова вновь переѣхала въ Елабугу, гдѣ прожила до конца своихъ дней. Въ Елабугѣ, куда Надежда Андреевна окончательно переѣхала въ 1840 г., въ сопровожденіи вѣрнаго слуги Степана, ее скоро всѣ узнали и полюбили, конечно, подъ именемъ отставного штабсъ-ротмистра Александра Александрова, такъ какъ называть ее ея женскимъ именемъ означало нанести ей глубокую обиду. Поселилась она со своимъ слугою въ небольшомъ домикѣ и жила очень

скромно. Кромѣ пенсіи, она, кажется, не имѣла никакихъ средствъ или очень незначительныя. Распоряжаться деньгами не умѣла такъ же въ старости, какъ не умѣла и съ молоду. Надежда Андреевна была очень добрый, отзывчивый человѣкъ и

Въ этомъ домѣ жила и умерла Н. А. Дурова (Александровъ) въ г. Елабугѣ.
Изъ собр. картинъ уланск. Литовскаго полка.

отдавала просящему свою послѣднюю копѣйку. Пользуясь ея добротой и зная ея дружбу со старикомъ Ерличемъ, городничимъ города Елабуги, просители непрерывно обращались къ ней устно и письменно, прося ея защиты и заступничества по самымъ различнымъ вопросамъ, и Надежда Андреевна или шла сама къ Эдуарду Осиповичу Ерличу, или писала ему записочки, ходатайствуя за многочисленныхъ и разнообразныхъ просителей. Вотъ нѣсколько такихъ записокъ:

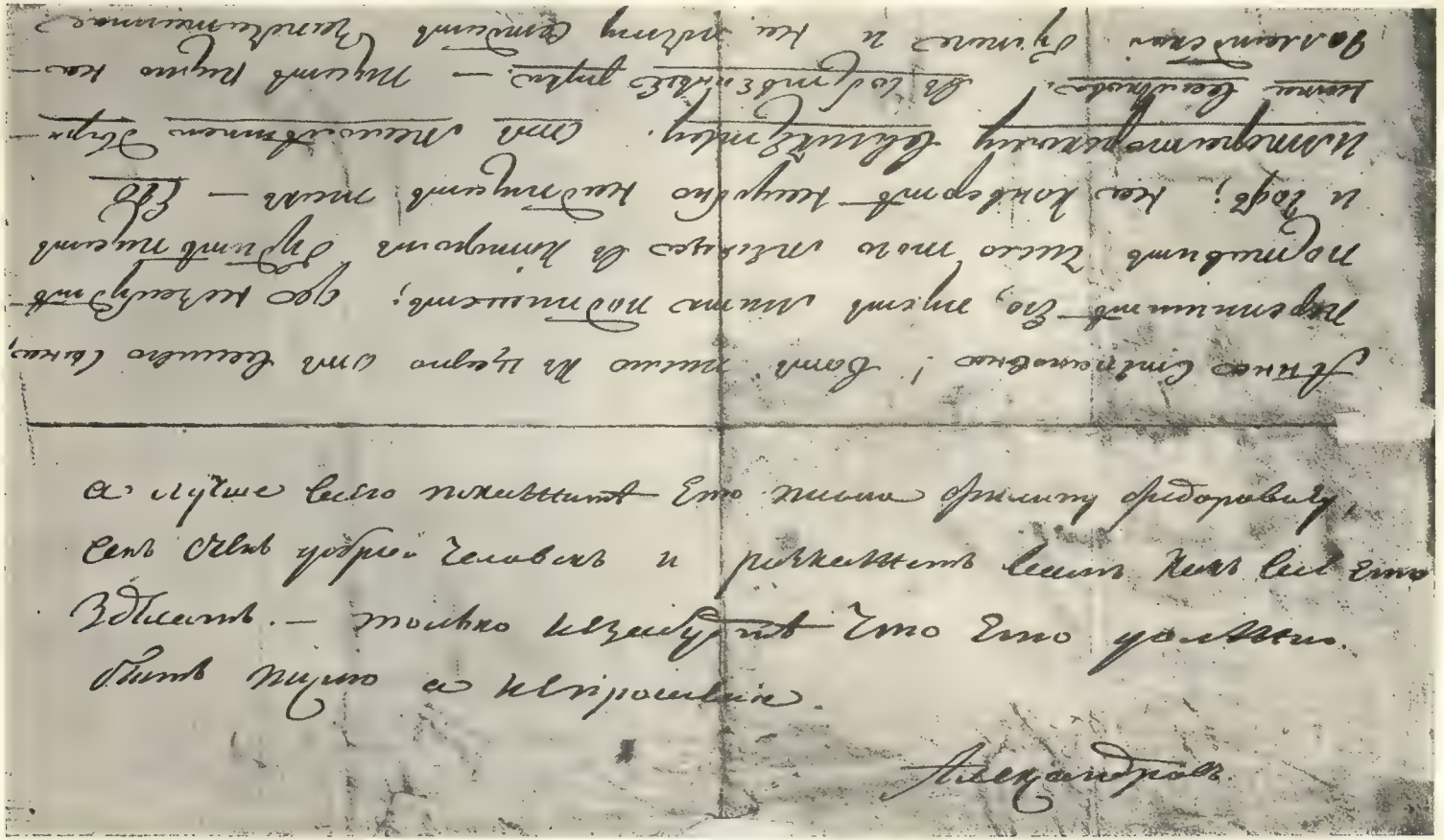
1) «Эдуардъ Осиповичъ! Будьте милостивы къ моему протеже, позвольте ему съ братомъ строить домъ или по крайности хоть службы, въ ожиданіи какой-то данной. Они хотѣли бы воспользоваться осеннимъ временемъ, чтобы хоть что нибудь заготовить къ будущей веснѣ. Искренно преданный вамъ слуга вашъ Александровъ».

2) «Вотъ эта бабочка проситъ и плачитъ, что будто бы ея мужу подкинули шлею какую-то. Будьте къ ней милостивы, Эдуардъ Осиповичъ. Слуга вашъ Александровъ».

3) «Эдуардъ Осиповичъ! Не сдѣлаете ли вы милость для этой солдатки— дать ей какую-то квартиру? Она называетъ ее «денежною», ей-Богу, я не понимаю, что это значитъ, а только прошу васъ, если можно, дать ей эту квартиру».

4) «Эдуардъ Осиповичъ! Будьте, ради Бога, милостивы къ Григорью. Нельзя ли его оставить дома по болѣзни. Его требуютъ въ Бетьки (названіе одной деревни), но вѣдь и здѣсь, кажется, можно бы спросить, о чемъ слѣдуетъ. Преданный Александровъ».

Ерличъ, самъ очень добрый человѣкъ, по мѣрѣ возможности, исполнялъ просьбу старушки, но иногда терялъ терпѣніе передъ все возрастающимъ количествомъ



Изъ собр. автографовъ уланск. Литовскаго полка.

просьбъ. Тогда онъ, въ видѣ мести, при встрѣчѣ съ Надеждой Андреевной, привѣтствовалъ ее не какъ Александра Андреевича Александрова, а называлъ ее Надеждой Андреевной и обращался съ ней, какъ съ женщиной. Дурова этимъ страшно обижалась и на нѣкоторое время прерывала всякое сообщеніе съ Ерличемъ; но проходило нѣсколько дней, обида забывалась, возобновлялись дружескія отношенія—и начинались новыя просьбы.

Насколько Дуровой было непріятно всякое напоминаніе, что она женщина, видно еще изъ слѣдующаго факта.

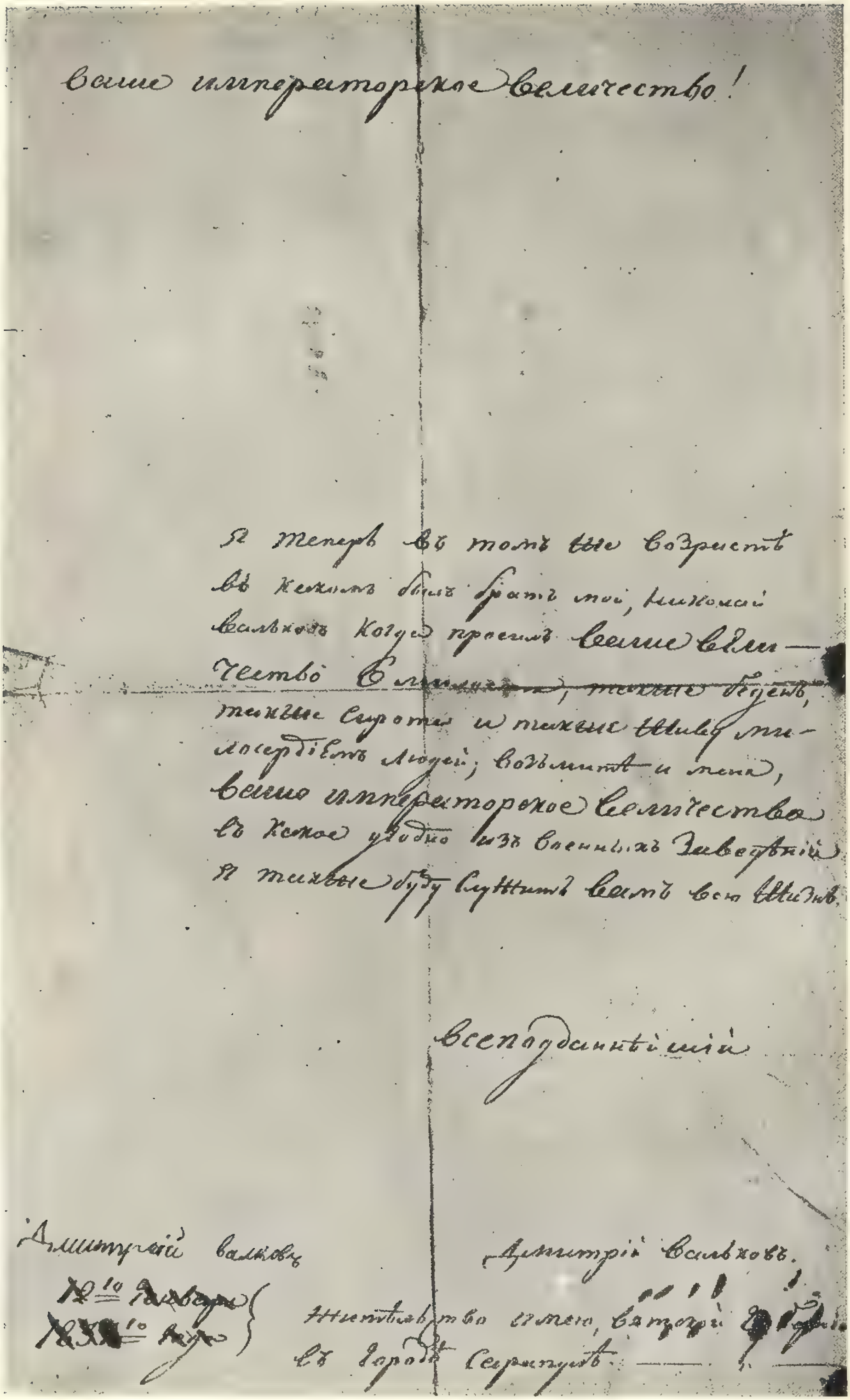
Сынъ ея Иванъ Васильевичъ Черновъ, собираясь жениться, послалъ матери письмо, прося ея благословенія. Надежда Андреевна, прочитавъ въ письмѣ, что ее называютъ «маменькой», разорвала письмо и не отвѣтила на него. Братъ ея, Василій Андреевичъ, объяснилъ племяннику, чѣмъ онъ, собственно, обидѣлъ мать. Второе письмо сына къ Надеждѣ Андреевнѣ было написано чисто въ дѣловомъ тонѣ, и разрѣшеніе на бракъ было получено. Въ общемъ, отношенія Надежды Андреевны къ сыну были довольно холодныя.

Надежда Андреевна, какъ мы только что сказали, всегда была очень отзывчива къ чужимъ нуждамъ и бѣдамъ. И вотъ, она, помня милостивыя слова Императора Александра I о томъ, чтобы она всегда обращалась съ просьбами на усмотрѣніе Государя, составила письмо для своей старинной знакомой Анны Степановны Вальковой. Вальковы, Василій Гавриловичъ и Анна Степановна, были старинные Сарапульскіе друзья Дуровыхъ, и послѣ смерти Василія Гавриловича Надежда Андреевна принимаетъ горячее участіе въ судьбѣ ихъ сына Мити и начинаетъ хлопотать объ опредѣленіи мальчика въ корпусъ.

Анна Степановна! Вотъ письмо къ Царю отъ вашего сына, перепишите его, пусть Митя подпишетъ, да не забудьте поставить число того мѣсяца, въ которомъ будете писать, и годъ; на конвертѣ надобно надписать такъ: Его Императорскому Величеству отъ малолѣтняго дворянина Валькова въ Собственныя руки — писать письмо на голландской бумагѣ и на почту отдать запечатанное, а лучше всего покажите это письмо Филиппу Федоровичу [1]), онъ очень добрый человѣкъ и разска-

Гор. Елабуга, Вятской губ., мѣсто жительства и упокоенія Н. А. Дуровой.
Изъ собр. картинъ уланск. Литовскаго полка.

[1]) Почтмейстеръ г. Елабуги, фамилія неизвѣстна.



Ваше императорское Величество!

Я теперь въ томъ же возрасте въ какомъ былъ братъ мой, Николай Волковъ когда просилъ Ваше Величество с милостью, также бѣдныхъ, такие сироты и такие же милосердiемъ людей; возьмите и меня, Ваше Императорское Величество въ какое угодно изъ военныхъ Заведенiй я также буду служить вамъ всю жизнь.

Всеподданнѣйшiй

Дмитрiй Волковъ.

Дмитрiй Волковъ

12го Января 18[illegible] году

Жительство имѣю, въ которой [illegible] въ городѣ Серпуховѣ

Изъ собр. автографовъ уланск. Литовскаго полка.

жетъ вамъ, какъ все это сдѣлать, только не забудьте, что это должно быть письмо, а не прошеніе. Александровъ».

Ваше Императорское Величество!

Я теперь въ томъ же возрастѣ, въ какомъ былъ братъ мой Николай Вальковъ, когда просилъ Ваше Величество о милости, также бѣденъ, также сирота и также живу милосердіемъ людей; возьмите и меня, Ваше Императорское Величество, въ какое угодно изъ военныхъ заведеній, я также буду служить Вамъ всю жизнь.

Всеподданнѣйшій
Дмитрій Вальковъ.

Дмитрій Вальковъ
12-го Генваря
1834-го года.

Жительство имѣю, Вятской губерніи,
въ городѣ Сарапулѣ.

Благодаря хлопотамъ Надежды Андреевны и составленному ею письму къ Государю, Митя Вальковъ былъ принятъ въ корпусъ. Еще въ началѣ этого столѣтія намъ удалось вести переписку съ самимъ Митей—Дмитріемъ Васильевичемъ Вальковымъ—участникомъ Венгерскаго похода и Севастопольской кампаніи. Дмитрій Васильевичъ подарилъ автографъ этого письма музею Литовскаго Уланскаго полка.

„Чертово Городище", близъ г. Елабуги, любимое мѣсто прогулокъ Н. А. Дуровой.
Изъ собр. картинъ уланск. Литовскаго полка.

Въ Елабугѣ всѣ скоро узнали и слѣдующую слабость Надежды Андреевны, а именно, ея любовь къ животнымъ. Всѣхъ безпріютныхъ или обреченныхъ къ уничтоженію котятъ, щенятъ городскіе мальчишки тащили подъ окна ея квартиры, и все это подбиралось или покупалось къ ужасу вѣрнаго Степана. По временамъ онъ, въ порывѣ отчаянія передъ этой массой призрѣваемыхъ, тайкомъ уничтожалъ по нѣсколько штукъ; невозмутимо увѣряя Надежду Андреевну, что эти ея питомцы

неизвѣстно куда пропали. Надежда Андреевна, погоревавъ о нихъ, вскорѣ, конечно, заполняла вакансіи новыми питомцами. Первые годы своего пребыванія въ Елабугѣ Дурова бывала въ обществѣ, играла въ карты, даже танцевала, всегда, конечно, за кавалера, но у себя не принимала. Разсказываютъ, что участвовала она въ танцахъ до 74 лѣтъ, но послѣдніе годы жизни она все менѣе и менѣе стала бывать у знакомыхъ. Попрежнему она всегда ходила въ мужскомъ платьѣ, т. е. въ сюртукѣ или фракѣ съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ, на головѣ носила лѣтомъ фуражку, зимой—папаху. Пока силы ей позволяли, она, какъ и смолоду, любила прогулки до глубокой старости. Въ Сарапулѣ у нея была сѣрая верховая лошадь, на которой она постоянно ѣздила, и о Надеждѣ Андреевнѣ очевидцы отзывались, какъ о лихомъ наѣздникѣ. Въ Елабугѣ она совершала длинныя прогулки пѣшкомъ, и одной изъ самыхъ любимыхъ была прогулка къ старой развалившейся башнѣ татарскихъ временъ, отъ которой открывается видъ на г. Елабугу и извѣстной подъ названіемъ «Чертово Городище». Вся Елабуга знала и уважала причуду Надежды Андреевны, и всѣ, включая уличныхъ мальчишекъ, пополнявшихъ ея коллекцію кошекъ и собакъ, обращались къ ней не иначе, какъ «Ваше Высокоблагородіе». Живость, рѣшительность и вспыльчивость, при большой добротѣ и отзывчивости, до конца оставались отличительными чертами ея характера, но, какъ ни старалась Надежда Андреевна забыть сама и заставить другихъ забыть о томъ, что она женщина, какъ ни относилась пренебрежительно въ своихъ «Запискахъ» къ стараніямъ въ дѣтствѣ выработать изъ нея примѣрную дѣвушку, опытную во всѣхъ женскихъ рукодѣліяхъ, все же женская нотка гдѣ-то таилась въ глубинѣ ея существа и, на старости лѣтъ она вновь стала заниматься иногда рукодѣліемъ. Такъ, въ музеѣ уланскаго Литовскаго полка хранятся вышитая шерстями скатерть, картина по канвѣ, изображающая Наполеона, и бисерный кошелекъ ея работы. Положимъ, она, вѣроятно, утѣшалась мыслью, что всегда были и будутъ мужчины, занимающіеся вышиваніемъ и вязаніемъ. Такъ мирно и тихо, среди скромной обстановки маленькаго городка, съ вѣрнымъ своимъ Степаномъ, среди призрѣваемыхъ ею животныхъ, переживъ многихъ друзей и родныхъ, дожила свой вѣкъ лихая и блестящая «Кавалеристъ-Дѣвица», участница многихъ сраженій, лично извѣстная Императору Александру I, принявшему ее подъ Свое покрови-

Послѣдній портретъ Н. А. Дуровой.
Изъ собр. портретовъ уланск. Литовскаго полка.

тельство и назвавшему ее Своимъ Именемъ, ординарецъ Кутузова. Умерла Надежда Андреевна 83 лѣтъ, 21-го марта 1866 года [1]). По желанію покойной, ее положили въ гробъ въ томъ мужскомъ платьѣ, которое она носила въ теченіе 60 лѣтъ съ самаго поступленія на службу въ 1806 г. Она выразила желаніе, чтобы ее и отпѣвали, какъ раба Божія Александра, но священникъ нашелъ это неудобнымъ и на отпѣваніи поминалъ рабу Божію Надежду.

Въ это время въ Елабугѣ квартировалъ бывшій 8-й резервный пѣхотный баталіонъ, по которому былъ отданъ слѣдующій приказъ:

Отъ 23-го марта 1866 года за № 82 [2]).

Завтрашняго числа, по случаю преданія тѣла умершаго отставного штабсъ-ротмистра Литовскаго Уланскаго полка Александра Александрова, назначается сборная команда по 10 человѣкъ изъ роты и 2 унтеръ-офицера съ ружьями и въ амуниціи подъ командой капитана Панкратьева; кромѣ того, по 2 унтеръ-офицера изъ ротъ для несенія гроба; для несенія же ордена Георгія назначается подпоручикъ Казанскій. Выносъ изъ квартиры будетъ въ 9 часовъ утра, а также быть хору музыкантовъ. Командиръ баталіона подполковникъ Семеновъ.

По разсказамъ очевидцевъ, провожавшихъ покойную было немного, потому что выносъ былъ сдѣланъ очень рано и потому, что она послѣдніе годы прожила

Наполеонъ—вышитый шелкомъ и бисеромъ—работа Н. А. Дуровой.
Изъ музея уланск. Литовскаго полка.

Кошелекъ изъ шелка и бисера работы Н. А. Дуровой.
Изъ музея уланск. Литовск. полка.

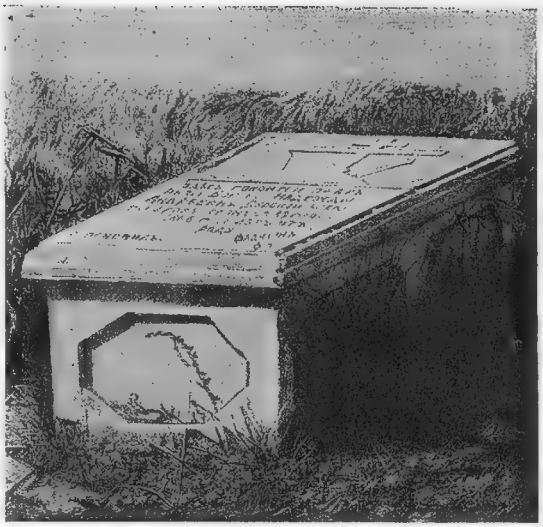
такъ замкнуто и пережила столькихъ старыхъ друзей, что большинству жителей города Елабуги она стала почти чужою. Одна хорошая знакомая Надежды Андреевны поставила на могилѣ ея скромный памятникъ-плиту. Съ теченіемъ

---

[1]) На плитѣ памятника высѣчено 23-го, но это—ошибка. Въ церковныхъ книгахъ отмѣчено, что умерла она 21-го, похоронена 24-го марта 1866 г. Годы ея—73 года тоже не вѣрно, ей было 83 года, такъ какъ она родилась въ 1783 г.

[2]) Архивъ при Управленіи воинскаго начальника въ г. Елабугѣ, Вятской губ. «Книга приказаній бывшаго 8-го пѣхотнаго резервнаго баталіона за 1866 годъ».

времени эта плита обросла мхомъ и травой, а надпись занесло пескомъ. Знакомые Надежды Андреевны кто умеръ, кто уѣхалъ изъ Елабуги и, можетъ быть, забылось бы и самое мѣсто, гдѣ покоится «Кавалеристъ-Дѣвица», если бы въ 1890 году не нашелся въ Елабугѣ одинъ мѣщанинъ Фадихинъ, который, какъ онъ какъ-то выразился: «по старой памяти къ знаменитой нѣкогда воительницѣ», очистилъ плиту отъ земли и возстановилъ надпись, прибавивъ только къ ней слова: «А поновилъ Фадихинъ Ф. П.».



Могила Н. А. Дуровой до 1903 г.
Изъ собр. фотографій уланск. Литовскаго полка.

Въ 1901 году 14-й драг. Литовскій полкъ, во времена Дуровой Литовскій уланскій, и съ 1907 года вновь получившій свое прежнее наименованіе Литовскаго уланскаго, узнавъ о печальномъ состояніи могилы своего бывшаго однополчанина, наканунѣ столѣтняго своего юбилея, соорудилъ, при содѣйствіи двухъ гражданъ г. Елабуги гг. Н. И. и Ф. В. Стахѣевыхъ, новый памятникъ, открытіе и освященіе котораго было 11-го октября 1901 г.

Памятникъ на могилѣ Н. А. Дуровой, возстановленный уланск. Литовскимъ полкомъ въ 1903 г.
Изъ собр. фотографій уланск. Литовскаго полка.

Сначала телеграммой, а затѣмъ и нижеслѣдующимъ отношеніемъ сообщилъ Елабужскій уѣздный исправникъ Глашонинъ въ 14-й драгунскій, нынѣ уланскій Литовскій полкъ, отъ 12-го октября 1901 года за № 1589 объ освященіи памятника на могилѣ Надежды Андреевны Дуровой.

«Въ дополненіе къ телеграммѣ отъ 11-го сего октября, имѣю честь увѣдомить 14-й драгунскій полкъ, что 11-го сего октября, въ 12 час. дня, на городскомъ кладбищѣ, на могилѣ штабсъ-ротмистра Надежды Андреевны Дуровой-Александрова состоялось торжественное открытіе памятника протоіереемъ городского собора о. Вечтомовымъ, въ сослуженіи съ соборнымъ духовенствомъ и приходскихъ церквей, при участіи соборнаго хора пѣвчихъ и большомъ стеченіи народа, по открытіи памятника, на могилѣ была совер-

шена, при колокольномъ звонѣ съ кладбищенской церкви, панихида по почившей съ провозглашеніемъ ей вѣчной памяти; послѣ панихиды и по снятіи занавѣсы съ памятника, воинскою командою произведено изъ ружей три залпа, а оркестромъ военной музыки исполненъ гимнъ «Коль Славенъ».

Памятникъ былъ окропленъ св. водой, послѣ этого воинскимъ начальникомъ полковникомъ Занфировымъ и городскимъ головой Башкировымъ произнесены рѣчи о личности и заслугахъ Дуровой. Къ панихидѣ были приглашены (прилагается экземпляръ приглашенія) всѣ начальствующіе отдѣльныхъ учрежденій и представители городскихъ сословій. Обществомъ города возложенъ на памятникъ металлическій вѣнокъ съ надлежащею надписью. Съ памятника и могилы Дуровой въ непродолжительномъ времени будетъ снята фотографія, экземпляръ которой почту долгомъ препроводить въ полкъ». И. д. уѣзднаго исправника Глашонинъ.

Текстъ пригласительнаго билета:

«11-го сего октября, въ 12 ч. дня, на могилѣ штабсъ-ротмистра Надежды Андреевны Дуровой-Александрова, на городскомъ кладбищѣ, протоіереемъ городского собора о. Вечтомовымъ, въ сослуженіи съ соборнымъ духовенствомъ и приходскихъ церквей, при участіи соборнаго хора пѣвчихъ, по случаю открытія памятника, имѣетъ быть совершена панихида по почившей Дуровой-Александровѣ, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти, во время котораго будетъ произведено воинскою командою три залпа. По окончаніи панихиды и снятія занавѣсы съ памятника, во время исполненія оркестромъ духовой музыки гимна «Коль Славенъ» памятникъ будетъ окропленъ св. водою, послѣ чего представителями отдѣльныхъ вѣдомствъ произнесется слово о личности Дуровой-Александрова.

Къ панихидѣ приглашаются всѣ начальствующіе отдѣльныхъ учрежденій и представители городскихъ сословій. Предъ панихидой начнется благовѣстъ въ кладбищенской церкви».

Къ столѣтнему юбилею Литовскій уланскій полкъ въ 1903 г. собралъ при полковомъ музеѣ небольшую коллекцію памяти Надежды Андреевны—штабсъ-ротмистра Александрова, состоящую изъ ея портретовъ, автографа, сочиненій и рукодѣлій, копій съ документовъ, относящихся къ ея служебной карьерѣ и литературы о ней. Этой коллекціей мы и пользовались, главнымъ образомъ, при нашей работѣ, имѣющей цѣлью въ великую годину напомнить соотечественникамъ о скромной, но интересной и оригинальной участницѣ 12-го года, въ свое время извѣстной, но затѣмъ исчезнувшей и многія лѣта пребывавшей въ полномъ забвеніи. Можетъ быть, нашъ скромный трудъ вызоветъ въ чьей нибудь памяти полузабытыя воспоминанія, и появятся какія нибудь новыя данныя, относящіяся къ жизни и дѣятельности Надежды Андреевны Дуровой-Александрова. Если это случится, то мы можемъ только повторить еще разъ то, что уже сказали въ началѣ нашего труда: всякія новыя данныя, всякія указанія и дополненія къ біографіи будутъ приняты съ радостью однополчанами уланами Литовцами. Будемъ считать свой трудъ не напраснымъ, разъ намъ удалось вызвать изъ тьмы забвенія и вновь обратить вниманіе общества на оригинальную фигуру «Кавалериста-Дѣвицы» Дуровой—штабсъ-ротмистра Александрова, нашего однополчанина Литовца, боевого товарища.

Одновременно приношу отъ лица товарищей Литовскихъ уланъ и мою личную искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, пожертвовавшимъ музею полка вещи и документы, относящіеся къ «Кавалеристу-Дѣвицѣ» Н. А. Дуровой-Александрову, а также всѣмъ лицамъ, давшимъ возможность составить настоящій біографическій очеркъ.

Полковникъ *Сакс*.

Бронзовый бюстъ поручика Александрова (Н. А. Дуровой) въ музеѣ уланск. Литовскаго полка.

Перечень собранныхъ матеріаловъ о Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой—(штабсъ-ротмистрѣ Александрѣ Андреевичѣ Александровѣ),—хранящихся въ музеѣ уланскаго Литовскаго полка.

Портреты:

Унтеръ-офицеръ Коннопольскаго полка Соколовъ.

Корнетъ Маріупольскаго гусарскаго полка Александровъ.

Поручикъ Литовскаго уланскаго полка Александровъ.

Штабсъ-ротмистръ Литовскаго уланскаго полка Александровъ, ординарецъ Кутузова.

Александръ Андреевичъ Александровъ изъ «Ста русскихъ литераторовъ».

Александръ Андреевичъ Александровъ—старикомъ, принесенный въ даръ Ев. Никит. Каменевой.

Граверный камень—портрета № 2—1810 года, принесенный въ даръ полку внучатымъ племянникомъ Н. А. Дуровой, Дмитріемъ Леонидовичемъ Бутовскимъ.

Бронзовый бюстъ поручика Александрова, принесенный въ даръ полку авторомъ его, генеральнымъ консуломъ на о-вѣ Мальтѣ Г. А. Саксъ.

Сочиненія Александрова (Дуровой):

«Современникъ» 1836 г. «Записки Н. А. Дуровой».
«Кавалеристъ-Дѣвица—происшествіе въ Россіи».
«Записки», продолженіе къ «Кавалеристъ-Дѣвица».
«Елена, Т-ская красавица, или игра судьбы».
«Годъ жизни въ Петербургѣ или невыгоды третьяго посѣщенія».
«Графъ Маврицкій».
«Гудишки».
«Сѣрный ключъ».
«Павильонъ» въ «Отечеств. Запискахъ» 1838—39 гг., принесенный въ даръ полку Вл. Ив. Рязанцевымъ.
«Кладъ».
«Ярчукъ—собака духовидецъ».
«Уголъ».

Автографъ письма Н. А. Дуровой, принесенный въ даръ полку Дмитріемъ Васильевичемъ Вальковымъ.

Рукодѣлія:

Скатерть, вышитая шерстями работы Н. А., принесенная въ даръ полку ея племянницей, дочерью брата Василія Андреевича, Александрой Васильевной Анонимовой.

Картина Наполеонъ, вышитая Н. А., принесенная въ даръ полку Евд. Никит. Каменевой.

Бисерный кошелекъ работы Н. А., принесенный въ даръ полку А. В. Анонимовой.

Картины:

Рисунокъ углемъ—домикъ въ Елабугѣ, въ которомъ умерла Н. А., рисованный и принесенный въ даръ полку А. П. Чепыжниковой.

Рисунокъ акварель—г. Елабуга временъ Н. А., рисованный и принесенный въ даръ полку А. П. Чепыжниковой.

Рисунокъ углемъ—любимое мѣсто прогулокъ Н. А. «Чертово-Городище», рисованный и принесенный въ даръ полку А. П. Чепыжниковой-Саксъ.

Портретъ издателя записокъ «Кавалеристъ-Дѣвица — происшествіе въ Россіи» И. Гр. Бутовскаго, снятъ съ портрета собственности Дмитрія Леонидовича Бутовскаго.

Фотографическій снимокъ старой могилы Н. А.

Фотографическій снимокъ новаго памятника Н. А.

Документы:

Копія формулярнаго списка Коннопольскаго полка товарища Соколова.

Копія рапорта гр. Буксгевдена № 439—ноября 13-го дня 1807 года.

Копія формулярнаго списка генералъ-маіора Каховскаго, шефа Коннопольскаго полка.

Копія формулярнаго списка за 1814 годъ о службѣ поручика Литовскаго уланскаго полка Александрова.

Списокъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ Маріупольскаго гусарскаго полка за 1807—1811 годы.

Удостовѣреніе Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ № 4311 отъ 16-го ноября 1901 г. о награжденіи Н. А. Дуровой военнымъ орденомъ № 5723.

Копія прошенія на Высочайшее Имя городничаго г. Сарапуля Дурова. Изъ архива канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній № 701.

Копія дѣла № 63 штабсъ-ротмистра Александрова. Архивъ канцеляріи военнаго министерства опись военно-походной канцеляріи № 2.

Копіи съ писемъ:

Письмо Н. А. Дуровой отъ 7-го мая 1808 г. къ гр. Аракчееву. Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

Письмо Н. А. Дуровой отъ 23-го сентября 1835 г. къ Н. Р. Мамышеву.

Письмо Н. А. Дуровой отъ 21-го ноября 1861 г. къ Вс. Н. Мамышеву.

Подлинники хранятся въ Импер. Публ. Библ.

Письма Н. А. Дуровой къ А. С. Пушкину:

Отъ 5-го августа 1835 г.
» 30-го сентября 1835 г.
» 17-го февраля 1836 г.
» 24-го іюня 1836 г.
» 31-го іюля 1836 г.
» 22-го декабря 1836 г.

Подлинники хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Литература о Н. А. Дуровой:

Пушкинъ, «Дневники записки» 9 т. Изданіе А. С. Суворина.

Пушкинъ, Письма 8 т. Изданіе А. С. Суворина.

Мордовцевъ:—«Русскія женщины», «Женщины XIX вѣка».

Брошюра: «Семенъ Вакуленко, сотникъ Пирятинскій 1696—1720 гг.».

Бѣлинскій.—Томъ III и IV.

Энциклопедическій лексиконъ Плюшара т. 17.

Женскій календарь «Альманахъ» 1869 г.

«Двѣнадцатый годъ» Мордовцева.

Журналы:

«Историческій Вѣстникъ»: февраль 1888 г.
сентябрь 1890 г.
мартъ 1894 г.
январь 1898 г.
сентябрь 1901 г.
декабрь 1901 г.

«Кіевская Старина», февраль 1866 г.

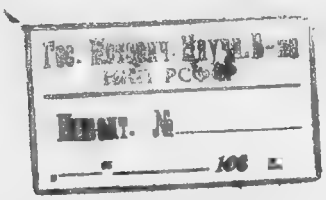
«Русская Старина», сентябрь 1890 г.

«Русскій Архивъ»: 12-го декабря 1868 г.
1-го января 1872 г.
10-го октября 1872 г.
11-го ноября 1902 г.

Газеты и журналы: «Петербургскій Вѣстникъ» 15-го января 1861 г.
«Голосъ» 30-го декабря 1863 г.
«Вятскія Губернскія Вѣдомости» 8-го апрѣля 1866 г.
«Вѣсть» 9-го мая 1866 г.
«Петербургскія Вѣдомости» 10-го мая 1866 г.
«Русскій Инвалидъ» 11-го декабря 1901 г.
} Копіи.

Документы:
1) Отношеніе въ Литовскій драгунскій, Уланскій Литовскій полкъ Елабужскаго Уѣзднаго Исправника за № 1589 отъ 3-го октября 1900 г.
2) Отношеніе въ Литовскій драгунскій, Уланскій Литовскій, полкъ того же Уѣзднаго Исправника за № 1589 отъ 12-го октября 1901 г.
3) Приложеніе къ отношенію—«пригласительный билетъ».

Матеріалы собралъ и принесъ въ даръ родному Уланскому Литовскому полку полковникъ А. Саксъ.



ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ КОННИЦЫ“

ЗАЛОГЪ УСПѢХА КОННИЦЫ ВЪ БЛИЖАЙШЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНѢ.

(Переводъ съ нѣмецкаго изд.) фонъ-ПЕЛЕ-НАРБОНЪ.

Цѣна 30 коп.

БЫСТРОТА и ВЫНОСЛИВОСТЬ КАВАЛЕРІИ.

Соч. БОНИ (переводъ съ французскаго изд.).

Цѣна 65 коп.

С. ТОМИЛИНЪ.

НАБѢГЪ ПАРТИЗАНСКАГО ОТРЯДА ЧЕРНЫШЕВА НА КАССЕЛЬ, СТОЛИЦУ ВЕСТФАЛІИ, въ 1813 году.

Цѣна 65 коп.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. А. МАТВѢЕВА.

СОБРАНІЕ ПАТРІОТИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ, ШКОЛѢ и ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

Цѣна 70 коп.

РОССІЙСКОЕ ПОБѢДОНОСНОЕ ВОИНСТВО.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ВОЙСКА ОТЪ ВРЕМЕНЪ БОГАТЫРЕЙ ДО ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ (1709 г.).

ПОСВЯЩАЕТСЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРАМЪ и УРЯДНИКАМЪ ВСѢХЪ РОДОВЪ ОРУЖІЯ.

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ, ШКОЛѢ и ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

АДРЕСЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЧЕСМЕНСКАЯ УЛ., № 2.

Складъ изданій журнала „Вѣстникъ Русской Конницы“.

Телефонъ 3-37.

Цѣна 1 рубль.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
С.-Петербургъ, Чесменская ул., № 2 (по Шпалерной).